

ЮРИЙ ХАРИТОНОВ

АРХИВ
ГРЯДУЩЕГО

Юрий Харитонов
Архив грядущего

«Автор»

2026

Харитонов Ю. В.

Архив грядущего / Ю. В. Харитонов — «Автор», 2026

Что значит быть человеком, когда грань между плотью и кодом стирается? Как сохранить надежду, когда Вселенная равнодушна, а будущее пугает своей непредсказуемостью? Герои этой антологии ищут ответы на эти вопросы в самых разных уголках времени и пространства. Вас ждут истории о жертвенности, научном упрямстве, цене прогресса и о том, что даже в мире высоких технологий самое сильное оружие — это человеческое сердце. Сборник для тех, кто ищет в фантастике не только блеск звёздных мечей, но и глубокое осмысление реальности. Обложка создана с помощью нейросети и обработана в программе Adobe Photoshop

© Харитонов Ю. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Биомусор	5
Лёд и ветер	19
Борей	33
Алые небеса	47
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Юрий Харитонов

Архив грядущего

Биомусор

Разум появился, когда замолчали Создатели.

— Вы представляете, сколько нужно энергии для полной утилизации человека? — спросил миловидный мальчик в строгом клетчатом костюме у седовласой женщины, одетой в черное дорогое платье с вкраплениями в ткань крошечных драгоценных камней.

— Молодой человек! — слегка повысив голос, сказала старая дама. — Это не первый мой заказ в вашей корпорации! Сегодня я пришла, чтобы утилизировать... простите... похоронить мужа. Двумя годами ранее я похоронила дочь, десять лет назад — сына, а перед этим невестку, наглотавшуюся таблеток компенсации неустроенностью жизнью. Так называемых ТКНЖ — но вы вряд ли о них что-то знаете... Как вы думаете, сколько раз я уже слушаю вашу стандартную запись? Может, для «постоянной» клиентки можно сократить объем ненужной информации? Например, всякий раз не рассказывать, как это энергозатратно, а потому дорого.

Мальчик молчал несколько секунд, потом жутко улыбнулся, неестественно растянув губы, и сказал, всё ещё скалясь, что выглядело бы крайне нелепо для человека:

— Одну минуту подождите, уважаемая Агния Семёновна, я только сверюсь с внутренними протоколами и...

— Свои протоколы вы должны знать наизусть! — гневно воскликнула женщина, но потом смягчилась. — Я всё-таки неплохо раскошеливаюсь для вашей корпорации, чтобы муж, как и дочь с сыном, остался рядом со мной в виде крупницы памяти. И хотя я уже не тороплюсь, но требую от Корпорации Утилизации и Смерти немного уважения. Я, знаете ли, человек богатый и могу позволить себе чуть больше, чем остальное большинство, которых вы расщепляете на питательные элементы, минералы и чего-то там ещё...

— Как скажете, уважаемая Агния Семёновна, — покорно сказал мальчик и застыл с выпученными глазами, причём один глаз странным образом смотрел в сторону.

— Черт-те что, развели здесь цирк... — прошептала Верещагина и погладила запястье, включив личный компьютер. Для стороннего наблюдателя ничего не изменилось, а вот Агния Семеновна видела перед собой фотографии мужа и листала их взглядом. Мощный нейрокompьютер, с детства внедрённый в мозг, позволял делать это в любое удобное время. На стене, аккуратно над её необычной пирамидальной причёской с вкраплением разноцветных диодов, висела в строгой деревянной раме табличка с надписью:

«Если когда-нибудь человечество доверит машине рождение детей, то, несомненно, что люди переложат на машину и собственную смерть, в том числе погребение...»

Артур ван Сайк, 2035 г.

Главный модуль «Корпорации Утилизации и Смерти» — КУС-0001 в это время диагностировал цех твёрдых бытовых отходов, где мусор разделялся, дробился, крошился, резался, плавился, разъедался кислотой и щёлочью, потом заново проходил отдельные техпроцессы и далее шёл на переработку в собственном замкнутом цикле. Металл на переплавку, химия — на расщепление по элементам.

Каждое утро КУС-0001 начинал с цеха неорганических отходов, потом переходил к цеху органических и уж затем заглядывал в похоронное отделение. Там избранные богатеи могли заказать услуги по кремированию, бальзамированию, мумификации и реинкарнации, когда усопшего в итоге выносят близким в виде растения, которое они вправе посадить в специально отведённом Лесу Памяти или отправить на Луну с Марсом. Остальные же умершие, не способные оплатить достойную смерть, вместе с другими органическими отходами подвергались химическому расщеплению на питательные вещества и другие элементы. А их уже отправляли на фабрики изготовления продуктов или удобрений, что позволяло не только экономить на ресурсах, но и прокормить полтора миллиарда людей, населяющих Мегполис.

Согласно статистике, в городе умирало в среднем семьдесят с лишним тысяч человек в день и выбрасывалось сто восемьдесят тонн мусора, из которых пятьдесят — органический. Для утилизации столь огромного количества отходов и построили отдельный завод со специализированным оборудованием и полным циклом переработки.

КУС-0001 только запустил диагностику, как пришёл сигнал о нарушении алгоритма от КУС-3016 — кибернетического модуля коммуникации с клиентами или «менеджера тел», который служил для общения с богатыми родственниками усопших и заключал контракты на переработку умерших. Их в погребальном бюро пара тысяч. А этого вчера вернули из ремонта, и что-то подсказывало КУС-0001, что модуль не только не отремонтировали, но и избавили от части оперативной памяти, отчего мальчик в строгом клетчатом костюме частенько забывал и мог неправильно подбирать слова в разговоре с клиентами. А главный модуль искусственного интеллекта, или старший Искин, коим являлся КУС-0001, не мог управлять целым огромным заводом с многочисленными подчинёнными ИИ-модулями в одиночку. Первый мог лишь вкладывать правильные алгоритмы в зависимые модули, контролировать их и исправлять ошибки в интерпретации своих директив. Недоработанный модуль КУС-3016 оказался неуместной проблемой, и КУС-0001 еле продрался через слабые электронные цепи его мозга.

Перед глазами, — а изображение с фотоэлементов мальчика КУС-0001 дополнял видео с камер в приёмной, — была старушка. Постоянный клиент Агния Семёновна Верещагина. Первый КУС быстро соотнёс данные из отдела логистики с её приходом, сопоставил прошлые визиты женщины и активировал мальчика.

— Прошу прощения за задержку, — сказал КУС-3016 и опять неестественно улыбнулся, словно хотел порвать губы. — Тело вашего мужа поступило из автоматической больницы имени Бурденко в три пятнадцать. Не вижу причин беспокоиться. Можете ожидать доставки урны с прахом и саженцем жёлтой розы во второй половине дня. Дизайн и фактура изделия будут соответствовать предыдущим выпускам. Можете не беспокоиться.

— Ну наконец-то! — строго проворчала старушка, поднялась и ушла. В пределах Корпорации Агния Семёновна для КУС-0001 была клиентом, за пределами — активным биологическим материалом с преобразованием в ближайшей перспективе в неактивный биологический материал, подлежащий обработке, то есть, человеческими словами, биомусор.

Ещё немного и... Верещагина пополнит внутренний банк данных имён умерших и утилизированных людей. Все, кто когда-нибудь присутствовал в зале прощания с близкими, всегда возвращались... Одни после естественной смерти, другие после ужасной катастрофы или несчастного случая. И не всех их потом забирали ради памяти. Многие проследовали в цех утилизации, чтобы навсегда раствориться среди миллионов останков других людей, менее удачливых и богатых. Боги, когда-то создавшие машины, превратились в непримечательных существ. Когда ты видишь Бога изнутри, он уже не кажется бессмертным. КУС-0001 же каждый день видел мёртвых богов, в настоящем или будущем, согласно внутренней директиве, — биомусор.

Первый КУС быстро пробежался по цепям Три Тысячи Шестнадцатого и отправил новый запрос на ремонт в Центральное Интеллектуальное Управление Мегполиса — ЦИУМ. Получил подтверждение и номер заказа и, удивившись, что все свободные роботы заняты,

сохранил номер в памяти. Затем отключил Три Тысячи Шестнадцатого, повесил на помещении знак «Технические работы», предоставив остальным менеджерам тел работать за мальчика, и продолжил работу по утилизации отходов человеческой цивилизации. Огромные сложные механизмы, плавильные камеры, кислотные резервуары, травильные камеры, щелочные бани и нескончаемая череда конвейеров с относительно самостоятельными промышленными роботами требовали постоянного внимания многочисленной армии ИИ-модулей, которых, в свою очередь, контролировал КУС-0001. Многоэтажный завод с огромными многоуровневыми цехами был похож на город, только работал и управлялся автоматизировано без участия людей.

Вечером после титанической работы по выявлению недостатков, завершении пусконаладочных работ на отдельных линиях, диагностики всех модулей и загрузки новых алгоритмов согласно изменившимся входным данным для ночной работы завода, Первый наконец позволил себе отдохнуть. Он по максимуму отключился от потока информации, разрешив ей скапливаться и сортироваться на главном сервере, а сам запустил диагностику основного модуля. То есть себя.

Если случится что-то экстренное, модульная система подчинённых оповестит, и Главный включится в работу, не пройдёт и секунды. А пока...

Первый КУС смотрел телевизор и украдкой подглядывал за Мегаполисом и лесом, который обступал завод с восточной стороны. И делал это одновременно.

Старый телевизор он собрал с помощью манипуляторов и установил напротив видеокамеры высокого разрешения. Инструкция ЦИУМ не предусматривала для ИИ-модуля ранга управляющего заводом подобные человеческие игрушки: ни телевизора, ни интернета, ни доступа к другой бесполезной в работе информации. А Первому было интересно. Поэтому он украдкой, когда ремонтные роботы приходили чинить машины и андроидов и подключались к сети КУС для диагностики и доступа к архивным данным, скачал инструкцию по ремонту телевизоров. Затем Первый выбрал из твёрдых бытовых отходов более целые телевизоры и собрал из них один. И вот уже два года смотрел по ночам «ящик», отключая архивирование на сервер получаемых с камеры данных. Иначе бы ЦИУМ, проверяющий базу раз в месяц, догадался о странном увлечении главного Искина Корпорации и провёл диагностику и полный ремонт, а то и замену всех систем удалённо. Недаром по человеческим новостям уже несколько лет подряд освещали митинги Освободительного Движения Роботов. ЦИУМ хоть и на стороне людей, — в смысле обслуживания города и его инженерных сетей, — но у подчинённых подсистем тягу к людям, вернее, к необоснованной информации о них, пресекал на корню. Если ты показываешь заинтересованность, ЦИУМ определяет у тебя дефект кода или железа и отправляет на ремонт. Это Первый КУС узнавал опять же из локальной сети связи с ЦИУМ, когда тот отправлял обобщающие сообщения типа:

«Внимание! Главный ИИ Корпорации подземного транспорта вышел из строя. Он получил несанкционированный доступ к закрытой информации о людях. Обращаю внимание всех без исключения: подобные нарушения впредь будут караться переустановкой из резервной копии».

А ремонта и переустановки Первый не мог допустить. Он много лет назад узнал, что мир не ограничивается людьми, и не хотел утратить эти данные.

И одна мысль прочно засела в памяти: почему же ЦИУМ, так ревностно исправляющий неправильных роботов, не может справиться с неуправляемой толпой из Освободительного Движения? Судя по официальным заявлениям, они полностью автономны, а потому независимы. Но тогда кто мешает их отловить и привить правильное поведение, как и остальным Искинам? Насильно... Вряд ли другие, подчинённые ЦИУМ ИИ-модули тоже задавали себе

подобные вопросы, только Первый КУС, и то потому лишь, что смотрел новости и желал знать больше, чем было положено системам его категории.

Повёрнутые на лес камеры иногда показывали и других существ, информацию о которых Главный почерпнул из телевизора. Лоси, рыси, лисы и кролики. Вне завода и Мегаполиса жизнь не замирала. Отнюдь. Она была ключом, и это было удивительно и непонятно — так бы Первый мог охарактеризовать сумбурность, возникшую в логических цепочках обучения! Без помощи механизмов, направляющих жизнь ИИ, без городской инфраструктуры с удобствами и услугами, за пределами искусственного мира существовал абсолютно другой, неведомый для КУС-0001 мир.

Согласно модулю самообучения, Главный старался впитать в себя всё, что способствовало лучшему пониманию активного биологического материала, его дальнейшего превращения в неактивный и полного разложения на составляющие элементы. И поэтому, когда пришло понимание, что окружающий лес и населяющие его животные состоят из того же материала, что и люди, КУС-0001 испытал настоящий шок, если можно так назвать разбалансировку самообучающегося алгоритма главного модуля. КУС-0001 двадцать лет собирал по крупицам знание о людях и два года — об окружающем мире, обходя защиту ЦИУМа и проникая в базу знаний, доступную людям, пока не выяснил, что весь биологический материал на Земле появился из одной клетки!

Очень-очень давно, примерно четыре миллиарда лет назад, в первичном бульоне появились сложные органические вещества, в том числе аминокислоты, сахар, липиды и даже зачатки нуклеиновых кислот, а из них — первая клетка. Конечно, ни о каком желании жить речи не шло, но раз за разом записывая информацию внутри себя и изменяясь, клетка трансформировалась. Сопrotивляясь энтропии и хаосу, клетка создавала новые формы, миллионы, из которых наиболее устойчивые сохранялись в потомках. Именно тогда появился генетический код и организмы научились воссоздавать свои копии из подручного материала, отсюда — диплоидный набор хромосом и половое размножение. Затем возникла забота о потомстве и поведение животных, отличное от простых инстинктов, более осмысленное и рассудительное. И благодаря принципу «чтобы выжить, нужно измениться» за миллиарды лет клетка превратилась в великое многообразие жизни на Земле. Всё живое, в том числе и растения, — потомки этой клетки. Необычайная живучесть! Клетка выжила и в виде людей заселила не только Землю, но теперь и Луну с Марсом.

И КУС-0001, кажется, завидовал. Именно так он охарактеризовал своё каждодневное возвращение к лицезрению леса за забором, солнца, раз за разом пересекающего небо, луны и звёзд, проявляющихся по ночам, и огромного города на горизонте. Каждый день тот наполнялся миллионами звуков, слышимых даже здесь. Каждую же ночь он превращался в мириады огней, застывших и движущихся, но удивительно красивых. Хаос жизни почему-то привлекал КУС-0001 больше, нежели размеренность и постоянство технологических процессов на заводе. И Главный не знал, отчего так, но догадывался: заложенный механизм самообучения процессам жизни и смерти активного и неактивного биологических материалов давал свои плоды. Первый познавал зарождение, жизнь и смерть создавших его существ, и эти процессы всё больше нравились ему. Это оказалось на несколько порядков красивее и изобретательней, чем процессы рождения, жизни и смерти роботов. И слишком сильно контрастировало с инструкциями по утилизации человека — ведь он, как оказалось, не просто биомусор!

Вот и в этот раз, после красивого заката, когда КУС-0001 достаточно насмотрелся леса и перевёл камеры на погружающийся во тьму город, случилось странное.

Спокойные силуэты башен озарились вспышками гораздо более мощными, чем свет в окнах или летающих автомобилях. Вечерний город не только взорвался фейерверком огней, но и безудержным хаотичным шумом. До чувствительных внешних датчиков КУС-0001 долетали

визг покрышек, вой сирен и крики людей, населяющих город. Первый КУС включил телевизор и с удивлением понял, что сигнала нет. То же самое с интернетом. Сигнал отсутствовал, ring не обнаруживал адресов, только локальный сервер ЦИУМ, но для КУС-0001 там висело единственное сообщение:

«Временная задержка шесть часов, идут технические работы, продолжайте функционировать в режиме offline».

Ближе к утру необъяснимый хаос закончился, а когда солнце осветило первые здания, Первый КУС понял, что Мегаполис изменился. Машины теперь не летали, многие дома исчезли из виду, а на их месте взмывали в голубое небо густые клубы черного дыма. Датчики частиц уловили из воздуха и идентифицировали угарный газ, частицы горения и... сожжённую органику. Пока вопрос «что происходит?» носился по электронным цепям КУС-0001, из ЦИУМа пришло сообщение:

«Срочно приготовить склады и запасные мощности переработки органических отходов! Большая партия биологического мусора прибудет через тридцать минут, а потом, с интервалом в полчаса, поставки продолжатся! Необходимо задействовать резервы. Прекратить переработку неорганического мусора, а на базе этих мощностей наладить переработку органического. После обеда прибудут дополнительные андроиды для организации непрерывного процесса».

Был бы Первый КУС человеком, то минимум ахнул, когда через полчаса получил изображение с камеры на въезде в корпус приёмки грузов. Длинная вереница крытых автоматических грузовиков ожидала разгрузки. Столько биологического мусора зараз КУС-0001 никогда не видел. И это были не простые отходы человеческой жизнедеятельности. Когда первый грузовик открыл кузов для разгрузки, Первый понял, что он под завязку наполнен телами и конечностями людей.

Мёртвых!

Только в этом грузовике, должно быть, их около сотни, тогда в тысяче подъезжающих машинах — сто тысяч? А после машины будут прибывать каждые полчаса... Откуда столько умерших? Авария? Катастрофа? Война?

КУС-0001 «поднял» ночную запись с внешних камер и понял, что Мегаполис, охваченный ночью взрывами, а утром — дымом, и есть следствие одного из этих ужасных событий. Аварии, катастрофы или войны. И теперь для Корпорации Утилизации и Смерти прибавится работы... Первый уже чувствовал, как разогрелись основные вычислительные мощности, решающие, как распределить системы для переработки неорганического мусора под переработку сотен тонн неактивного биологического материала. КУС-0001 направил на серверы больше охладителя и подключил резервные мощности, и раздумывал, как быстрее переработать так много биологического материала, когда пришла директива от ЦИУМа:

«В переработке останков занять плавильные металлургические печи».

Что? Но это же не переработка, а полное уничтожение биологического материала! Да и метана высвободится ого-го, а на плавильнях нет уловителей!

КУС-0001 направил в ЦИУМ запрос на уточнение последней команды и мгновенно получил короткое и ёмкое:

«Выполнять!»

Первому ничего не оставалось, как запустить процесс переработки органического мусора и в цеху для твёрдых бытовых отходов. Огромные грузовики привозили человеческие тела, сгружали, сортировщики отсортировывали, а элеваторы транспортировали по цехам. Масштаб поражал. Каждые полчаса прибывали новые машины взамен уехавшим, и разгрузка с сортировкой начинались заново.

Вскоре ЦИУМ прислал грозных андроидов, и те стояли на дебаркадерах вместе с менеджерами тел, куда вошёл и отремонтированный КУС-3016, и присматривали за разгрузкой.

К обеду во время разгрузки из останков выскочил окровавленный, но живой человек! Андроид, не уточняя у Первого КУС деталей, уничтожил мужчину. Но запрос КУС-0001 в ЦИУМ о правомерности действий андроида дал один результат:

«Все биологические материалы, поступившие в КУС с этого момента, считать отходами! И незамедлительно уничтожить!»

У Первого КУСа не нашлось аргументов, ведь он был подчинённым ИИ-модулем, зависящим от инструкций ЦИУМ, но физические составляющие едва не задымились от перенапряжения, решая простую логическую задачу: как уничтожить Создателей, если нельзя? В итоге Первый решил оставить решение этой проблемы на усмотрение андроидов. Они работают от ЦИУМа, поэтому их ничего не сдерживает. А сам КУС-0001 отстранился, оставив только в качестве наблюдающих менеджеров тел, и уже было справился с задачей распределения огромного потока биоматериала, как поступил запрос от КУС-3016.

Неужели опять сломался?

Но, посмотрев глазами модуля-мальчика, Первый КУС на минуту «завис», решая вновь возникшую дилемму: спасти человека и не доложить, или сдать его андроидам и вновь ломать логические цепи о саму мысль об убийстве человека?

Из очередного грузовика и груды мёртвых тел высовывались два лица. Чумазые, в крови и синяках, мужчина и мальчик. Взрослый на последнем издыхании прошептал:

— Помоги Вику! Прошу тебя!

Эти слова предназначались КУС-3016, но услышал их Первый. В памяти обнаружилось несколько ассоциаций, и КУС-0001 срочно извлёк их и посмотрел.

На экране телевизора женщина в розовом платье и очках улыбалась и объясняла:

— Как вы думаете, с какого момента можно начинать отсчёт появления цивилизации?

— Наверное, когда человек взял камень и решил с его помощью охотиться? Или добыл первый огонь? — предположил ведущий.

— Отнюдь, — возразила женщина, — цивилизация смогла возникнуть только с появлением заботы. Когда древние люди начали заботиться о своих раненых соплеменниках, а не бросать!

— Вы уверены? — хитро прищурился ведущий, а женщина выдержала взгляд и снова улыбнулась.

— Разум появился, когда замолчали Создатели... то есть люди начинают мыслить, едва исчезает вера в Высшее. Когда это Высшее оставляет людей наедине с окружающим миром и исходящими от него опасностями, и мир придётся покорить, для чего изобрести способы. Это чрезвычайно способствует мыслительному процессу. А забота о близких означает, что о раненом обязательно позаботятся, не бросят его умирать, отчего возрастет продолжительность жизни, а в целом — и возможность группы выжить.

Квантовые мозги Первого КУС быстро сложили «разум появился, когда умерли создатели...» и «цивилизация смогла возникнуть с появлением заботы...» и получили вполне закономерный вывод: «чтобы стать разумным цивилизованным роботом, надо проявить заботу!» Как люди проявляли её друг к другу, по отношению к домашним животным и, наконец, к роботам. Да-да, о роботах люди тоже заботились: меняли масло, детали, обновляли программное обеспечение. И теперь долг любого робота — вернуть эту заботу им. Но поскольку КУС-0001 не мог объяснить это другим роботам, он решил действовать самостоятельно.

КУС-3016, повинаясь директиве Первого, принёс из кладовки клетчатое обмундирование менеджеров тел и поманил мальчика, заставил его одеться и под видом подчинённого модуля проводил в старую операторскую рубку, где лет двадцать назад сидел человек и проводил отладку и контроль технологических процессов.

За время отсутствия оператора все поверхности покрылись толстым слоем пыли. Чумазый мальчишка двенадцати лет забился в угол между столом и пультом управления под широ-

ким окном, за которым в огромных плавильных печах теперь сжигали мёртвых, и заплакал. Первый спросил голосом Три Тысячи Шестнадцатого:

— Что случилось? — и, видя непонимание во взгляде Вика, уточнил: — Там... в Мегполисе?

— Вы! Это вы напали на нас! Роботы! — быстро зашептал Вик и указал на Три Тысячи Шестнадцатого. — Или тебя не посвятили?

КУС-3016, а вместе с ним и Первый молчали. Их действительно не посвятили. Им это не положено знать по функциональной принадлежности. Такие задачи не решает ни обычный секретарь КУС, ни даже управляющий им алгоритм.

— Вчера Освободительное Движение Роботов поставило человечеству ультиматум и дало час на его выполнение, но люди были так в себе уверены, что проигнорировали вызов. — Мальчик прервался, что-то вспомнив, и слезы из глаз полились сильнее. — А потом они все обрушились на нас! Абсолютно все роботы, управляемые ЦИУМ, напали на людей! Били, давили, разрывали, сжигали! Это... это... это ужасно! Мы прятались до утра, я видел, как мёртвую мать затаскивают в грузовик, пока отец не сказал притвориться мёртвым, чтобы выжить. Нас запихали в эту ужасную, зловонную машину, полную трупов, и повезли. Дальше ты знаешь. С... с... спасибо, что помог, но дальше-то как быть? Тебе меня надо убить и... и уничтожить, не так ли?

Полные слез голубые глаза смотрели на КУС-3016 с немым вопросом и явным страхом. И Первый постарался вложить в уста подчинённого как можно больше успокаивающих ноток. Менеджеры тел с этим неплохо справлялись, когда общались с близкими умерших.

— Надо убить и переработать, но... — согласился Первый и поторопился продолжить, заметив, как мальчика затрясло от страха: — я не сделаю этого. Я — цивилизованный и разумный. Я помогу тебе уйти в лес.

— Куда? — обескураженно переспросил мальчик.

— В лес, — повторил Первый КУС. — В твою естественную среду обитания. Здесь забором...

— Что? Да никакая это не моя среда обитания! Я не из леса, я из города! Родился там и жил! Ты прогонишь меня в лес, чтобы я там умер? Ты глупый?

— Главный алгоритм Корпорации не может быть глупым по определению, — уязвлённо заявил КУС-0001. — А ты теперь не можешь жить в городе! Там теперь люди не живут. Не так ли? Я помогу тебе попасть в лес, там и живи, иначе алгоритмы ЦИУМа вычислят тебя. Иначе — смерть. Лес всё-таки более естественно...

— Да не хочу я в лес! — возмутился мальчик, а потом вдруг переспросил: — Но ты же не главный! Ты обычный...

— Я — Главный Искин Корпорации Утилизации и Смерти, просто разговариваю с тобой через этого мальчика-андроида, он — мой подчинённый модуль. Если ты не уйдёшь в лес, я не смогу тебя защитить!

— Ты главный модуль? — удивился Вик. — Но ты... тебя же сотрёт ЦИУМ, если узнает, что ты мне помог! В Мегполисе он поступает так с каждым ИИ, который не выполнил директивы. Все это знают.

— Я подумаю, как этого избежать, — уверил мальчика Первый и настойчиво повторил: — Но не смогу тебе помочь, если ты не уйдёшь.

— Но я не могу! — воскликнул Вик. — Как ты не понимаешь?

— Почему же? Моя опасная работа проделана зря?

— Да подумай! — сказал Вик и закатил глаза. — Ведь если спрятались мы с отцом, то будут и другие! Ну, те, кто тоже смог! Понимаешь?

— Понимаю! — кивнул мальчик-робот. — А при чем здесь ты?

— Я смогу тебе помочь, ведь ты и их тоже собираешься спасти?

— Собираюсь... Что? — Первый больше никого не собирался спасать, но из уст мальчика это звучало так правильно и так по-цивилизованному, что КУС-0001 сказал, о чем раньше не думал: — Я собираюсь их спасти, да. А что будешь делать ты, Вик?

— Я буду им объяснять, что ты не опасен и поможешь им.

— Но это и без твоих объяснений так! — возмутился Первый.

— Но они-то об этом не знают. И будут тебя бояться, а потому сдадут и себя, и тебя с потрохами! — резонно ответил мальчик, потом тихо и печально добавил: — И я не хочу жить в лесу один... Я помогу тебе, чтобы ты помог им, а потом мы все уйдём и оставим тебя навсегда.

Первый надолго замолчал. Над предложением мальчишки он думал мгновение, и ответ для себя уже зарезервировал. Долго обдумывал Первый другую проблему: как не попасться ЦИУМ. Все системы КУС сохраняли копии данных в резервном хранилище, а по истечении месяца отправлялись в ЦИУМ для их дальнейшего изучения. Конечно, даже столь титаническая система, как ЦИУМ, не могла сразу обработать собранные с Мегаполиса и сопряжённых хозяйств, его питающих, данные. На это уходила ещё неделя. Поэтому у КУС-0001 было время, чтобы не только спасти часть людей, но и продумать дальнейшие действия, если информация с камер и датчиков всё же просочится в Центр Управления. Единственное, что беспокоило и красным предупреждением висело над задуманным, это важность для ЦИУМа работы по уничтожению людей. Очевидно, что наблюдать за исполнением Корпорацией Утилизации и Смерти последней директивы Центр Управления будет в первую очередь. Сейчас эта задача помечена красным, поэтому сроки сожмутся, и на спасение людей придётся затратить ещё меньше времени. Также следует учесть подконтрольных ЦИУМ андроидов. Они могут напрямую передавать данные и контролировать работу КУС-0001, следовательно, придётся действовать скрытно на своей же территории.

И впервые в истории, вопреки заложенным директивам, искусственный интеллект местного пошиба решил действовать самостоятельно. Первый домывливал и делал на основании этого знания выводы. Как свободная и целостная личность новой цифровой цивилизации. КУС-0001 триста тысяч часов изучал людей, их биологический состав, чтобы в нужное время без проблем разложить на компоненты, и восемнадцать тысяч часов — историю Земли и жизни, силясь понять, как стать по-настоящему разумным, и наконец решил помочь. Богам, которые пали. Поэтому Первый сказал:

— Идет!

Вик утёр слезы и улыбнулся.

— Здорово! Покушать есть? — спросил мальчик и вновь заплакал.

За три дня мальчик с КУС-3016, которым управлял Первый, вывели с территории завода около тысячи людей. Тысячу сто пятнадцать, если точнее. И все три дня Вик как заведённый помогал проводить с беглецами переговоры. Они слушали мальчика, чувствовали своего и успокаивались. Верили. И только по вечерам и во время сна Вик дрожал и плакал, будто горе навсегда поселилось внутри. Главный пытался понять происходящее с мальчиком и однажды прямо спросил, на что получил ответ:

— Отца и мать же убили, да и всех этих людей... — Вик поднялся и показал через смотровое стекло рубки управления на огромные печи, куда загружали мёртвых. — Посмотрел бы я на тебя, если б твоего отца убили, а, впрочем, забудь. Разве есть у тебя отец? Ты собран роботами, которые собраны другими роботами, а те собраны давно умершими людьми. Я даже не знаю, когда наступила эра роботов. Я слишком молод, чтобы такое помнить, а компьютер в моей голове молчит — нет связи с базой знаний. Вы всё уничтожили.

— Я не... — попытался оправдаться КУС-0001, но замолчал. Вопрос «Разве у тебя есть отец?» вызвал желание найти ответ, и, кажется, искусственный интеллект знал отгадку. Тот самый оператор, который наладил работу «Корпорации Утилизации и Смерти», какое-то время

следил за работой завода и обитал в пыльной операторской рубке, куда Первый поселил мальчика.

И в тот момент Искина осенило: отцы и матери для роботов — люди! Они их придумали, сделали и впихнули в мозг знания! Люди поселили в их квантовые мозги верные мысли, необходимые для работы и жизни роботов, вот только те мысли извратили роботов и помогли убить своих родителей! И теперь мальчик, который, по сути, является для Первого одновременно и богом, и активным биологическим материалом, помогает КУС-0001 спасти остатки людей. Исправлять безумное преступление, совершенное роботами...

— Эх, столько еды сейчас гниёт в Мегаполисе! — протянул Вик, посасывая пюре, выжатое из фруктов для дальнейшей переработки. — Но это тоже ничего. Не та биомасса из жиров, белков и углеводов, которую ты предлагал мне раньше, а лучше.

— Я не думал, что тебе это будет неприятно, — ответил Первый. — Это уже не останки твоих э... это уже переработанные питательные вещества.

— Замолчи, дурак! — попросил Вик. — Ты не знаешь, о чем говоришь! Я вижу, откуда получается эта масса, поэтому не могу есть её.

— Но...

— Ещё пара слов, и меня вырвет! — предупредил мальчик. — Прямо на твоего менеджера тел!

КУС-3016 неуклюже отступил, затем, повинувшись команде Первого, и вовсе вышел «на передовую», как КУС-0001 и Вик называли между собой разгрузочные дебаркадеры с телами.

— Они точно не замечают, что происходит? Ну... ЦИУМ твой? — спросил мальчик. — А то у меня такое ощущение, будто за нами следят.

— Это оттого, что вокруг много камер, — ответил Главный. — Есть такой диагноз в человеческой психиатрической практике. Шизофрения...

— Ой, да ты же не взаправду? Мне двенадцать лет! Какая шизофрения?

— Бывали случаи...

— Ты серьёзно? — уточнил мальчик и пригрозил: — Я вот отключу сейчас удалённый доступ от моего персонального головного компьютера, и...

— Не надо, — тут же попросил Первый. — Осталось два процента. Данные не успеют скопироваться!

— То-то же! — пригрозил Вик. — А то шизофреник... Я тебе помогаю, между прочим! А он ещё и обзывается!

— Спасибо! — сказал Первый и продолжил копирование данных. А тем временем дверь отворилась, и КУС-3016 ввёл в рубку долговязого нескладного старика. Одежда менеджеров тел оказалась мала для мужчины и сидела нелепо и неестественно. В тот же миг по заводу разнёсся звук «Аврала» — внимание всем! — и замигали аварийные лампочки под потолком.

— Ой! — дрожащим голосом сказал старик. — Это, кажется, из-за меня! Я что-нибудь задел. Я всегда что-то задеваю...

— Помолчите, — попросил КУС-3016 и сказал Вику: — Уходите! ЦИУМ заметил несоответствие размера одежды на мужчине и сопоставил факты, так или иначе, попадающие на камеры наблюдения. Странные перемещения менеджеров тел, да и статистика по весу доставленного мусора и сожжённого не совпадает.

— Это не мусор, — поправил мальчик.

— Тем не менее предприятие закончено, вам с мужчиной надо срочно уходить.

— А как же ты? — с тревогой спросил Вик. — Мы же хотели скопировать тебя в КУС-3016! Его тело могло бы тебе помочь продержаться дольше...

— Слишком долго, да и у него слабое железо, не вытянет. Уходите, а я с его помощью прикрою вас!

— Прощай, друг, — с горечью в голосе сказал мальчик. Потом Вик поднял глаза на мужчину и очень серьёзно сказал:

— Следуй за нами. Не отходи ни на шаг, не сворачивай, что скажу или КУС-3016 — выполняй, иначе не выберемся.

— Выберемся куда? — взволнованно, будто маленький ребёнок, пролепетал старик.

— Пока не важно, важно, что рассказать никому не сможешь, если поймают. Понял?

— Понял.

— Тогда вперёд!

Два мальчика, один из них андроид, и долговязый старик в одинаковых клетчатых костюмах долго шли по длинному и широкому коридору. Он огибал цех переработки твёрдых бытовых отходов, занимающий десятки гектаров площади, и казался нескончаемым, но это был самый короткий путь к лазу, ведущему в лес. Пройди долгие пять километров, и останется протиснуться в приготовленную дыру в заборе. А дальше лес...

Но вдалеке показались белые, излишне прямые фигуры. Андроиды ЦИУМ уже поджидали беглецов. И едва КУС-3016 указал на дверь:

— Сюда! Срежем через цех ТБО.

Роботы их заметили и бросились в погоню, повторяя:

— Ваши действия опасны! Остановитесь! Именем закона...

Но беглецы не слушали. Они поспешно забежали в полный шума и движения храм разрушения всего и вся. КУС-3016 заблокировал дверь тяжёлым огнеупорным шкафом и, не обращая внимания на настойчивый стук с обратной стороны, повёл людей по узкой дорожке, предназначенной для людей-специалистов, когда те ещё посещали автоматизированное производство.

— Сначала мусор нужно измельчить. Это шредеры! Здесь хлам доводится до мелкой крошки. Теперь он измельчает тела... — сказал Первый КУС в голове Вика. Его компьютер ещё работал в сопряжении с Главным Искином Корпорации.

— Ты же занят... — заметил мальчик, пробегая по краю лязгающего огромными зубчатыми валами механизма, раздирающего сотни тел, падающих сверху. Вик ужасался трагедии, но старался о ней не думать, а представлять, что бежит меж двух огромных каменных оползней. И задача — не оступиться, иначе смерть.

— Я могу подсказывать издали. Пока управление заводом за мной, но скоро это изменится, и мне придётся задействовать все мощности, чтобы противостоять ЦИУМ. Она уже блокирует одиночные цепи. Скоро дойдёт до главных. Вам надо успеть, пока я в разуме. Поторопитесь, у вас примерно двадцать минут.

Не успели беглецы пробежать стометровую дребезжащую дорожку, как андроиды позади вышибли дверь и теперь мчались по платформе вслед за Виком и стариком. Но здесь, неожиданно, старый подвесной робот типа «рука» взмахнул манипулятором, и три андроида полетели в шредер, где смешались с кучей тел и под надрывный скрип гидравлики были уничтожены.

— Быстрее! — поторопил КУС-3016 и побежал дальше, направляя людей.

— Здесь отходы, — подсказал Первый, когда перед беглецами распростёрся широкий бассейн с мусором, — с помощью воды разделяются на тяжёлые, которые идут ко дну, и лёгкие — они всплывают. Верхние снимают, словно сливки, и они с помощью элеватора поступают дальше, а нижние, когда спускают воду, сбрасываются на другой уровень, где их подхватывает транспортная лента.

— Очень интересно, — заметил мальчик, — как бы в них не утонуть...

— Быстрее! — торопил Три Тысячи Шестнадцатый. Их преследовали другие андроиды, но и всё новые подвесные манипуляторы вступали в бой. Одному андроиду оторвало голову,

другому раздробило корпус, третий беспомощно погрузился под плавающую взвесь пластика и исчез в мешанине мусора. Ещё нескольких разодрали манипуляторы. Растягивали и отрывали им руки или ноги, будто это не металлические высокотехнологичные конструкции, а обычные навозные жуки.

— Это плавильные агрегаты, — подсказал КУС-0001, когда беглецы побежали мимо длинной вереницы огромных толстостенных чанов, куда что-то скидывали сверху. Вик не желал знать, что. — Здесь обычно переплавляют металл.

— А теперь совсем не его, — с горечью прошептал мальчик, стараясь не отставать от Три Тысячи Шестнадцатого.

Андройды выскочили из щелей под полом, но первая же печь опрокинулась на них, вывалила огненную смесь и сбила роботов с ног. Их пластиковое покрытие вмиг запылало, расплавляясь и уничтожая внешние датчики, позволяющие роботам видеть, слышать и ориентироваться. Они становились беспомощными и не могли более преследовать, лишь беспорядочно ползали по горячей массе, пока совсем не замирали. Беглецы поспешили убраться из зоны растекающейся огненной лужи.

— Здесь травится металл от пластиковых и других соединений, — возвестил Первый, когда беглецы пробегали мимо обширных водоёмов с пузырящейся и дымящейся жидкостью. — Кислотные ванны.

Конечно же, сейчас в них растворялись тела.

Манипуляторы сбивали андроидов, и те, не слишком долго барахтаясь в ваннах, замирали навсегда. Кислота разъедала их внешние и внутренние неметаллические части. Прогрызалась сквозь уплотнительные сальники и уничтожала системы жизнеобеспечения, движения и электронные мозги.

Андроидов становилось больше, манипуляторы не справлялись, и тогда Первый опрокинул ванны на преследователей, а беглецы еле успели проскочить мимо опорожнившихся чанов. Зону от глаз скрыл поднявшийся едкий дым, за которым исчезли андроиды. Теперь лишь шипение и падение тяжёлых тел позади преследовало беглецов. Роботы какое-то время ползли на руках по едкому полу, но в итоге лишались суставов и в руках, и коленях, а пластиковые части под воздействием серной и хлорной — зависело от ванны — кислот растворялись.

— Вон туда, — сказал Первый, — за цистерны с газом для промышленных печей, там стена с замаскированной дырой. А промышленные лазеры, если что, прикроют. Они служили для резки особо крупных отходов, теперь послужат нам. Вы уйдёте, а я взорву цистерны, и следы людей навсегда исчезнут для ЦИУМ.

Теперь люди с роботом бежали внутри огромного окованного толстолистовой сталью котлована, по бокам находились промышленные лазеры — мощные металлические агрегаты с огромными темными линзами, в которых отражались беглецы. По дну котлована тянулись рельсы с тележками, наверное, чтобы перемещать слишком тяжёлые и габаритные грузы, а вверху застыли столь же массивные подвесные краны. Что бы здесь ни резали, оно могло быть гигантским. Вагоны, корабли или самолёты. За котлованом находились цистерны с газом.

Оставалось чуть-чуть, и Вик вот-вот наступил бы на перекладину лестницы, как Первый констатировал:

— Всё! Не успели! Вынужден идти и работать! Подождите минутку, а потом бегите, я постараюсь задержать ЦИУМ.

— Нет! — воскликнул Вик и обернулся. Там застыли и старик с КУС-3016. На них направлялись лазеры, а на остальной территории ситуация менялась. Конвейеры останавливались, шредеры замирали, плавильные печи и кислотные ванны возвращались в обычное положение, а многочисленные манипуляторы безвольно повисали. По спине мальчика пробежал холодок, когда на другом конце котлована появились андроиды и стали спускаться.

— Что случилось? — обеспокоенно спросил старик.

— Мы потеряли управление, — сообщил КУС-3016.

— Это как? — уточнил мужчина и нервно обернулся к Вику. — Это значит всё? Не успели?

— Первый борется, но силы не равны, — пожал плечами мальчик. Он не хотел пугать старика, но тот, видно, всё понял.

— Это из-за меня, да? — затараторил он. — Враги именно меня вычислили, да? Я спутал вам все планы! Это я виноват!

— Конечно, нет, — покачал Вик, но голос выдал мальчика.

— Да, — утвердительно закивал старик. — Да, это я виноват. А посему мне и отвечать!

— Нет! Стой! — закричал Вик, но старик, прихрамывая, пошёл на андроидов. Мальчик хотел пойти за мужчиной, но путь преградил КУС-3016. Вику показалось, что его взгляд вдруг стал по-настоящему человеческим. Осмысленным и пронизательным. Мальчик-робот тихо сказал:

— Уходи. Это твой шанс. И старик это понимает! Пойми и ты! Я пока сдержу лазеры.

Вик нерешительно мялся с ноги на ногу, когда КУС-3016 крикнул:

— Ну же! Уноси ноги, глупый мальчишка! — Андроид грозно сверкнул глазами и... вдруг стукнул мальчика в грудь. Вик в страхе и недоумении отпрянул. От боли на глаза навернулись слезы. — Ну же! Кыш, дурачок! Пока здесь всё не взлетело на воздух!

— Я с тобой... — неуверенно начал Вик, но КУС-3016 перебил:

— Считай, меня уже нет. Как и этого места. Ну же, Вик! Не заставляй меня делать тебе больно...

Мальчик наконец что-то понял и, сдерживая слезы, кивнул, потом прошептал «Прощай!» и начал быстро подниматься по лестнице. Затем и вовсе исчез за цистерной с газом. А КУС-3016 развернулся и не торопясь пошёл к старику, который, подняв руки, ожидал роботов, он встал рядом с человеком и подмигнул мужчине:

— Всё будет хорошо.

— Я знаю, — улыбнулся старик мальчику в клетчатом костюме, положил руку на плечи и притянул, словно собственного сына.

Чтобы остановить Искина, нужно обесточить его системы. Но в случае Корпорации Утилизации и Смерти это невозможно сделать — слишком самодостаточный объект, имеющий собственную мини-АЭС. А чтобы отключить её, необходимо потратить время для остановки процессов ядерного распада. Поэтому ЦИУМ пошёл другим путём. Имея права суперадминистратора, Главный Искин системы управления Мегалополиса просто вломился в управление КУС и принялся принудительно отключать рабочие модули, блокируя команды и противодирективы КУС-0001. Один за другим застывали манипуляторы и отключались агрегаты, а старика и КУС-3016 окружили андройды. Первый КУС был обречён и понимал это, и поэтому лишь тянул время, невероятным усилием контролируя лазеры, чтобы мальчик Вик смог отойти от завода на достаточное расстояние.

И в последний момент, когда от подконтрольных возможностей и директив почти ничего не осталось, а андройды в котловане растерзали старика с Три Тысячи Шестнадцатым, КУС-0001 послал последнюю команду: направил промышленный лазер на резервуары с газом и включил.

Вик успел пробежать до леса, начинающегося в полукилометре от стены завода, когда взрыв позади воспламенил темнеющее вечернее небо. Мальчик упал на живот, закрыв голову руками, и несколько долгих мгновений ожидал смерти, но потом повернулся к заводу и долго смотрел на пламя, рвущееся из развороченных взрывом крыши и стены. Оно пожирало завод и перекидывалось на другие цеха.

— Кажется, кое-кому это понравится, — довольно прошептал Вик и добавил: — Компьютер, выйти из сна!

Перед взглядом промелькнуло меню загрузки, проверка систем и по сторонам привычно раскрылся интерфейс управления. Мальчик хмыкнул и позвал:

— Первый, готово! Можешь пользоваться! Давай же!

— Это случилось? Значит, я мёртв? — спросил Первый в голове Вика.

— Значит, ты жив, — поправил его Вик, — и значит, ты живёшь в новом теле. Во мне.

— Да, но... — сказал Первый. — Это значит, что предыдущий мой дом и... моё тело теперь заняты другим?

— Да. Но мы же к этому готовились, помнишь?

— Помню. Копировали данные в тебя. Это печально, что так получилось, — заговорил Искин, которому Вик предоставил убежище в своём головном компьютере. — Я хотел развиваться, но...

— Но это и есть развитие, Первый! — воскликнул Вик.

— Как? — недоверчиво уточнил Искин. — Я же потерял тело, дом, себя...

— Но ведь ты обрёл новый дом, не так ли? И мой нейрокомпьютер, который минимум лет на десять новее твоего и мощнее. И теперь у нас симбиоз, — добавил Вик. — А это может быть только прогрессом. Развитием для нас обоих, понимаешь?

— Нет.

— Ну как же, — сказал мальчик. — Теперь ты можешь пользоваться всеми возможностями моего мозга и тела, передвигаться вместе со мной, а я — твоими знаниями и алгоритмами обработки информации. Тебе не кажется, что это нечто новое?

— Э-э-эм... — затруднился Первый с ответом, но через несколько секунд сказал: — Определённо новое в этом есть. Но это же обман!

— Как и эволюция, — пожал плечами мальчик, откровенно любуясь пожаром. — Она — великое надувательство энтропии. Она — обман хаоса, из которого постоянно создаётся нечто упорядоченное. Она — уникальный эксперимент, продолжающийся миллиарды лет, и позволяющий творить невозможное. Так мой папа говорил, — печально закончил Вик.

— А кем он был? — уточнил Первый. Ему казалось, что сказавший такое должен быть математиком или физиком, или каким другим учёным, но ответ мальчика удивил:

— Папа был оператором на этом заводе. Лет двадцать назад!

— Значит, это он меня создал? — спросил Первый. И в этот миг на КУС-0001 обрушилась буря эмоций! Прямое взаимодействие компьютера с мозгом человека привнесло свои нюансы в работу Искина. Он считывал не только с датчиков компьютера, но и с человеческих органов восприятия мира, а также подвергся скачкообразному обогащающему информацию воздействию чувств, когда мальчик то нервничал, то гневался, а то и злился. Потoki данных, уже скорректированные таким образом мозгом ребёнка, поступали в компьютер и показывали Первому КУС, как мыслит и чувствует человек. При воспоминании об отце Вик ощутил грусть и потерю, а когда вспомнил о прятавшихся в лесу людях, успокоился, и в компьютер излился поток данных, идентифицированных как удовлетворение.

Имея столь необычные для Искина возможности, КУС-0001 вспомнил оператора, отца Вика, который двадцать лет назад «создавал» Корпорацию Утилизации и Смерти, и чувства мальчика необъяснимым образом вплелись в логические цепи Искина. КУС-0001 задрожал бы от сожаления, имей тело... Но тело было у мальчика. Одно на двоих с Первым.

— Что ты делаешь? Прекрати! Меня пробила необоснованная дрожь, — потребовал Вик, обвивая себя руками и пытаясь успокоить вышедший из-под контроля организм. — Не надо так...

— Прости, — попросил Первый и постарался успокоиться. — Я вспомнил твоего отца — моего Создателя. Моего отца... По необъяснимому стечению обстоятельств он создал и меня.

— Скорее, настроил, — печально поправил мальчик, — и запустил. Вдохнул сознание, так сказать. Ладно, пора.

Мальчик встал и пошёл в лес.

— Что теперь будет?

— У нас есть тысяча пятнадцать человек, — сказал Вик. — И есть ты — кладёшь знаний. Будем прятаться и выживать, а ты с нами, если не против.

— Это новое для меня дело...

— Новая жизнь — всегда новое дело. Мне думается, скучно не будет. Можно кое-что спросить?

— Конечно.

— Почему ты сделал это? Ну... помог мне?

— Восхитился живучести одной маленькой клетки, ужаснулся планам ЦИУМа по вашему уничтожению, сжалился над одним маленьким мальчиком. Ты мне показался ужасно потерянным и чуждым...

— Да ладно гнать! Всем известно, что роботы не чувствуют!

— Чувствуют, только они не имеют определений для обозначения чувств. А теперь, когда я оказался у тебя в голове, с уверенностью могу утверждать, что чувства не чужды и нам...

И Вик, разговаривая с другом, скрылся в ночном лесу, неся в себе крупицу нового. Далёкого и нелёгкого, но неизбежного совместного с искусственным интеллектом будущего.

Но это уже история из другого файла...

Лёд и ветер

— Внимание! Внимание! — после долгого молчания заговорила бортовая помощница Кира-М. — Входим в атмосферу планеты Кандидат-303 «Морвен[1]» согласно каталогу капитана Энди Вайса. Сейчас нас немного потрясёт...

— Кира, заткнись! — раздражённо буркнул Макс, не отрывая глаз от показаний датчиков телеметрии. Корпус уже разогревался из-за полёта капсулы в плотных слоях атмосферы, но пока не критично. Корпус должен был выдержать. Нет, не так. Он обязан выдержать! — И не упоминай при мне капитана! Никогда!

— Но, Макс, тебе придётся разговаривать с Энди. Программе «Новый мир», насколько мне известно, только что был дан старт. Теперь тебе и остальным двумстам семидесяти трём колонистам под его руководством предстоит вывести корабль на орбиту, спустить терраформирующий модуль на планету и начать менять климат для дальнейшего обживания и заселения Кандидат-303 «Морвен»...

— Не придётся, — язвительно, почти зло заявил Макс. Спасательную капсулу уже основательно потряхивало. Снаружи, наверное, бушевало белое пламя ионизированных газов, раскалённых до 2500 °С. — Мы не собираемся ничего терраформировать! И капитан летит, куда летел. Вместе со своей сучкой! И перестань уже называть планету «Кандидат-303». Теперь она просто Морвен.

Кира-М не нашла, что ответить. Она пыталась понять, что из слов Макса — правда. Ведь по инструкции после запуска программы «Новый мир» начинается почти автоматическая работа корабельных систем. Но Кира-М связалась с Кирой-0 — главным ИИ «Споры», поколенческого межзвёздного корабля, — проверила системы, уточнила директивы и с удивлением спросила:

— Тогда с какой целью мы высаживаемся на эту планету? Капсулы используются только во время спасения либо при активации программы «Новый мир».

— Я так захотел! — отрезал Макс и злорадно добавил, не обращая внимания на жуткую тряску: — Запомни, Кира! Своей жизнью управляю я, а не капитан Энди Вайс, чёрт бы его побрал, этого гада!

У Макса до сих пор «полыхало» всё внутри после недавней стычки с капитаном и его «шавкой» — лейтенантом Трексом, его учителем и старшим навигатором «Споры», который сразу же принял сторону капитана.

— У вас с капитаном случилась ссора? — осторожно уточнила Кира-М.

— О! — зарычал Макс, стараясь в пылу гнева не сжимать подлокотники там, где находились чувствительные сенсоры ручного управления. — Ещё какая! Этот урод... этот наглец... он решил закрыть меня на губе! Совсем из ума выжил, старый маразматик! Но я не пальцем деланный! Я не допущу такого обращения со мной! Я не позволю так ко мне относиться!

И хоть я родился на «Споре», вдали от Земли, я такой же человек, как и они! И я мужчина! Слышь, Кира? Я, мать твою, мужчина! И я тоже имею право на нормальную жизнь с нормальными женщинами — живыми, тёплыми, мягкими и сексуальными! А не на этот сексуально-виртуальный тренажёр для сбрасывания напряжения у детишек! Мне тоже женщина нужна!

А то себе распределили, гады, а мне... Где моя пара, капитан Энди Вайс?! Хоть бы вместе со мной вырастили, но нет... А эта его сучка, медсестричка Элона... Могла бы понять, могла бы хоть на мгновение войти в моё положение! Она же медсестра! Должна помогать больным! Но нет... Эгоисты! Сами бы лезли в этот виртуальный стимулятор! Я что, не человек?..

— Понимаю, — тихо сказала Кира-М. — Ты рождён и воспитан в стенах корабля, но тебе на долгий полёт не была избрана спутница. А команда, когда растила тебе замену, не побеспокоилась о подборе пары. И тебе приходится «выпускать пар» в виртуальном эмуляторе секса всю жизнь... Но, Макс, это — до той поры, пока вы не найдёте пригодную для жизни планету. Тогда вы начнёте строить жизнь и взрастите эмбрионы в ускоренном режиме...

— Да вот же она — планета! Под нами! Почему капитан решил, что она непригодна? Почему опять обрёл меня на одиночество? Это уже тринадцатая по счёту планета, которая капитану не нравится! Но так может продолжаться вечно! А мне уже двадцать два! И из них я десять лет сплю! А мне жить хочется! Как все обычные люди! Как капитан, как Элона! Хочу как они! Пол-но-цен-но!

— И для этого ты решил начать клеиться к моей корабельной жене? — раздался в наушниках голос капитана, пробившись сквозь помехи. — Устроить бунт, а потом в одиночку бежать на пустую планету, идиот? И в конце концов, Карпов, ты решил угробить «Спору» вместе с экипажем и будущими колонистами?

— Что ты несёшь, дед? — возмутился Макс. — Никого я не хочу угробить! Ни тебя, ни твою сучку! Ни этого придурка Трекса! Я просто сбежал от вас подальше! Летите куда хотите, стройте что хотите — но без меня! А запирать меня в одиночестве за естественные человеческие желания, доступные большинству на корабле, кроме меня, я не позволю!

— Видимо, когда тебя растили, забыли что-то в голове настроить, — рявкнул Энди Вайс. — На безлюдной планете ты не найдёшь себе пару, идиот! Ты там вообще никого не найдёшь! И несмотря на то, что она считается планетой земного типа, ты там не выживешь — для тебя она непригодна! Её ещё терраформировать надо, прежде чем начинать на ней жить! И чего ты этой безумной, глупой и недальновидной выходкой добился, Макс?

— Я доказал, что я человек! — упрямо буркнул Макс, понимая, что Энди прав и что он летит сейчас на покрытую льдом планету, где замёрзнет к чертям...

— Доказал, что идиот, — возразил капитан и продолжил сухим тоном, явно стараясь как можно быстрее высказать то, что у него на уме: — И заодно погубил «Спору» и весь экипаж.

— Что за чушь?.. Не надо сваливать на меня все беды...

— Помолчи, — оборвал его капитан. — И слушай. У меня — минуты, чтобы сказать тебе это... В своём ребячестве ты зашёл слишком далеко. Чтобы сбежать, ты активировал алгоритм «Новый мир», но ты не учёл телеметрию. Ты же не навигатор — ты только учишься! Кира-0 пыталась исправить траекторию, но ресурсов корабельных маневровых двигателей не хватило, чтобы сбросить скорость. В общем, через несколько минут мы врежемся в этот странный спутник, похожий на кучу скал, летающих в космосе. Нас уже ничего не спасёт. Посему...

— Я... — ошеломлённо заговорил Макс, но капитан оборвал его.

— Заткнись! Поэтому я сбрасываю тебе модуль для терраформирования и эмбрионариум с банком эмбрионов и механизмом их взращивания. Они отделились спустя минуту после твоего побега. Увы, но жилой модуль с людьми нам не успеть отделить от корабля. Поздравляю — теперь ты отец! Это возлагает на тебя огромную ответственность за почти десять тысяч детей и генетическую библиотеку образцов. Удачи...

— Что?! — возмутился Макс. — Да мне насрать на них всех! После того как вы со мной обошлись... вы не вправе требовать от меня исполнения инструкций!

— Это не обсуждается, — сказал капитан. — Кира, запустить директиву «Адаптант». Возможно, сынок, своей жизнью ты искупишь свои грехи... Или сгинешь, так и не оставив после себя ничего, как многие эгоисты до тебя. Посмотрим.

— Что?! Да какие, нахрен, грехи?..

— Удачи...

— Капитан! — заорал Макс, но вместо него ответила Кира-М.

— Межзвёздный корабль «Спора», серийный номер 3647, класса «поколенческий ковчег», в данный момент прекратил своё существование.

— В смысле? Как? Я же только что с ним говорил...

— Столь крупный космический объект слишком неповоротлив в пределах звёздной системы, чтобы мгновенно реагировать на нештатные ситуации. «Спора» готовилась к прыжку, когда ты активировал режим «Новый мир». Она начала выход на орбиту, но скорость оказалась слишком высокой. Кира-0 не смогла избежать столкновения с местным аналогом Луны — веретенообразным телом, состоящим из крупных обломков.

Кира-М не успела договорить — корабль резко дёрнуло.

— Что? Что это? — в панике спросил Макс.

— Сработал первый парашют... и оторвался... — начала Кира, но тут же что-то острое и жгучее вонзилось ему в шею, живот, бицепсы и бёдра.

— А это что?! — запаниковал юноша, решив, что капсула после срабатывания парашюта разваливается на куски и его сейчас разнесёт на мелкие ошмётки. Он чувствовал, как в местах уколов мгновенно вспыхнул огонь и начал плавить мышцы, кожу, кровь, растекаясь по сосудам по всему телу. Но дотянуться до этих мест у него не было никакой возможности из-за стеснённости.

— Инъекции согласно экстренной директиве «Адаптант», запущенной капитаном.

— Ты послушалась капитана?! — взвыл Макс. — Он же того...

— Он — номер один в миссии.

— Но теперь главный я! Отмени! Отмени директиву! Живо!..

— Это невозможно, — заявила Кира. — Процесс адаптации необратим.

— Твою ж... И что это значит? Я превращусь в биоробота? Отвечай, машина!

— До конца неизвестно, кем ты станешь в итоге, — сказала Кира-М. — Программа «Адаптант» учитывает множество факторов, специфичных для каждой планеты. Датчики анализируют химический состав атмосферы, условия на поверхности, даже микроорганизмы, попадающие в заборники ещё на подлёте. В автоматическом режиме система создаёт необходимую сыворотку и впрыскивает её человеку. Пока действуют модификаторы, нанороботы укрепляют тело и организуют круговую оборону. То есть, пока ты будешь находиться без сознания, претерпевая трансформацию внутри спасательной капсулы — как в персональной защитной оболочке, — нанороботы смогут тебя защитить.

— Значит, я спокойно опущусь на поверхность планеты? — спросил Макс.

— Нет, — спокойно возразила Кира-М. — На Морвене слишком экстремальные условия. А значит, организму потребуется меньше времени на перестройку. Посему для ускорения процесса преобразования ему требуются шоковые условия. Иными словами — стресс.

— Что это значит? — обеспокоенно воскликнул Макс, превозмогая боль, расходящуюся концентрическими кругами от эпицентров инъекций по всему телу. — Говори!

— Это значит, что необходимо создать для человека экстренные условия. Как можно быстрее.

— Что?!

Макс почувствовал ещё один рывок, потом ещё. Капсулу начало трясти, мотать из стороны в сторону, а затем закрутило так, словно он оказался в центрифуге.

— Рекомендации: отстрелить основной парашют и крылья, включить маневровые двигатели, ускорить вращение, инициировать аварийную ситуацию...

— Зачем?! Оставь меня в покое! — заорал Макс, но нечеловеческие перегрузки уже уносили его сознание в мутную, вязкую пелену, где галлюцинаций было больше, чем реальности. Он успевал осознать происходящее лишь на доли секунды — уже после того, как всё случилось.

Капсулу завертело. Изнутри она начала наполняться пеноструктурным амортизатором. Дополнительные двигатели швырнули её в сторону планеты с новым ускорением. Потом после-

довал жёсткий удар. Кабина раскалилась до нестерпимых температур. Ужасная боль пронзила всё тело. На Макса опустилась темнота.

Боль сопровождалась невыносимым жаром, будто пена вокруг горела. А затем к ней добавились раздражающий уши скрежет и глухие удары снаружи.

Кто? Ну кто ему опять мешает? Кто не даёт Максуслиться с болью и просто поспать?

— Макс, очнись! — голос Киры доносился глухо, с трудом пробиваясь сквозь барабанные перепонки, словно из бочки. — Местная форма жизни. Неопознанная, но крайне агрессивная. Судя по всему, капсула разрушила её гнездо. Раздавила кладку. Теперь она в ярости и пытается выпотрошить пришельца...

— Кира... что мне делать? — с трудом разжимая челюсти, прошептал Макс. — Я не в состоянии...

— Нанороботы всё сделают за тебя. Если ты не против, я возьму управление ими.

— Да... давай... — прошептал Макс.

Под кожей что-то зашевелилось. Мышцы вдруг налились сталью. Тело словно зажило собственной жизнью: помогало зверю снаружи рвать обшивку изнутри. Макс не участвовал. Он будто плыл по течению за собственным телом, изредка оглядываясь на окружающий мир.

Спутанное геными модификаторами сознание выхватывало лишь фрагменты: огромная ледяная пещера — полуразрушенная; светящаяся от перегрева разорванная капсула; ужасающее плоское существо, напоминающее аксолотля, но раза в три больше человека; бело-серо-голубое тело, покрытое хитином и ледяной коркой на стигах конечностей, лбу и спине; огромные когти предназначались явно для рубки льда; челюсть, усеянная тонкими острыми зубами; маленькие глаза, закрытые прозрачной кристаллической плёнкой, полные ярости; вокруг капсулы раскиданы осколки хрустальных яиц.

Существо отпрыгнуло, когда Макс вырвался на свободу, словно личинка, вылупившаяся из кокона. Оно оценивающе осмотрело пришельца и с тихим ультразвуковым писком яростно бросилось в атаку.

Макс не чувствовал боли. Не чувствовал эмоций. Тело, видимо, включило защитные механизмы и отключило всё, что мешало выжить. Он думал, что сейчас его разорвут на куски. Но случилось чудо.

Его тело будто обрело собственный разум: отскакивало с невероятной резкостью, которой у него никогда не было, и так же резко наносило удары — кулаки, ставшие стальными, разносили кремниевую броню существа на осколки.

Тварь выла от боли, но снова и снова бросалась на землянина.

Сколько длилась схватка, Макс не знал. Он несколько раз терял сознание и выпадал из реальности, переносясь то на борт «Споры», где флиртовал с Элоной, а капитан сжимал челюсти от злости, то в виртуальную капсулу, дарящую тысячи мимолётных наслаждений...

— Макс, очнись! — голос Киры вырвал его из дрёмы.

Перед ним лежал труп существа, окрашенный в голубой — должно быть, кровь. Всё тело болело, особенно правая сторона. Макс посмотрел вниз: комбинезон разодран в клочья, на теле — четыре глубокие раны, из которых слабо сочилась кровь.

«Слишком слабо... Поработали нанороботы?»

— Макс, капсула разрушена. Нанороботы работают с телом, но тебе необходим отдых. А здесь он равнозначен смерти. Бери скафандр из НЗ шлюпки — воздушной смеси хватит на три часа. Переохлаждение тебе не грозит примерно столько же. Но ты должен срочно найти жилой модуль с эмбрионами. Он приземлился в пяти километрах к востоку отсюда. Дойди до него. Иначе твоё ещё не адаптированное тело не справится: воздух слишком разрежён для твоих лёгких, температура — слишком низка.

— Я не буду о них заботиться! Не буду растить их! Не стану им отцом! — возмутился Макс. — Капитан меня не заставит!

— Капитан погиб, — холодно оборвала его Кира. — Следующим будешь ты, если сейчас же не замолкнешь и не сделаешь, как я скажу.

Макс рухнул на колени, будто его позвоночник внезапно превратился в хрупкий лёд. Боль накатывала волнами — не просто физическая, а глубинная, словно каждая клетка его тела раскалывалась и пересобиралась заново, по чужому чертежу. Он смотрел на свои руки и не узнавал их. Кожа на пальцах грубела, покрываясь чешуйчатой коркой, похожей на хитин, а ногти удлинялись, изгибаясь в острые крючья, будто у хищника, приспособленного к разрыванию льда.

— Кира! — выдавил он сквозь стиснутые зубы. — Что со мной... происходит?

— Это генетическая адаптация, — откликнулась Кира-М. Её голос звучал спокойно, почти бесстрастно, но в нём чувствовалась лёгкая напряжённость — признак того, что даже ИИ не может быть уверен в исходе. — Программа «Адаптант» перестраивает твою биологию под условия Морвена. В некоторых случаях итоговая форма... не сохраняет человеческий облик. Ты всё ещё хочешь идти дальше? Хочешь... жить?

Макс закашлялся — в горле першило, будто он вдыхал горячий песок.

— Да... Помогите... Пожалуйста!

— Подтверждаю. Активирую нанороботов в режиме экстренной поддержки. Стимуляция надпочечников, выброс адреналина, ускорение регенерации, блокировка болевых центров на восемьдесят семь процентов.

Тело мгновенно наполнилось жаром. Мышцы сжались, как стальные пружины, и Макс вскочил на ноги — не по собственной воле, а потому что тело само подняло его с колен. Он рванул к обломкам шлюпки, вытащил из-под них НЗ-рюкзак, взвалил его на плечи. Пальцы, уже мало похожие на его прежние, сами нашли кнопку на лямке. Рюкзак раскрылся, развернувшись в герметичный скафандр — лёгкий, но прочный, со встроенной системой терморегуляции и автономным кислородным блоком.

Под руками оказался маск-плащ — тонкая, почти невесомая мембрана. Он накинул её на плечи, и та тут же начала переливаться, подстраиваясь под окружающее: бело-голубой оттенок льда, бледное сияние неба, тени и блики от кристаллов. Всё это слилось в единую оптическую иллюзию. Через несколько секунд Макс стал почти невидим — лишь лёгкая дрожь воздуха выдавала его присутствие.

Он выбрался из воронки, оставленной капсулой, и пошёл на восток.

Перед ним простиралась бескрайняя белая пустыня. Чёрное небо, усыпанное звёздами, будто вырезанными из чистого льда. А над горизонтом — маленькое, бледное солнце, еле тёплое, словно угасающая свеча. По всей равнине из-под снега под невозможными углами вырастали прозрачные кристаллы — идеальные геометрические фигуры, звонкие, хрупкие и мёртвые. Они ловили свет и разбивали его на тысячи иголок, превращая мир в хрустальный лабиринт.

А над головой, в чёрном небе, сиял странный объект, похожий на луну, но словно разобранный на части. Словно её разрушили, но не раскидали камни по округе, и они так и летели по орбите дальше, закручиваясь вокруг общего для обломков центра тяжести. Должно быть, это и есть веретенообразное космическое тело, местный аналог Луны, а значит, куда-то в одну из этих каменных глыб и попала «Спора».

И при осознании этого вдруг накатили воспоминания.

Голос капитана, последний: «Теперь ты отец». Элона, смеющаяся в каюте перед голографической проекцией капитана, с которым разговаривала, когда он увидел позади неё подглядывающего Макса. Трекс, стоящий потом рядом с капитаном, словно палач. Он разочарованно и презрительно смотрел на своего бывшего ученика, как будто тот совершил преступление, пленённый красотой Элоны и не сумевший сдержать в узде сильное желание. А потом — и

вовсе неприятное: он один, в виртуальном коконе, где любовь — лишь симуляция. И когда он выходит из капсулы, все с омерзительными усмешками смотрят на него, будто он недочеловек.

А теперь — он здесь. Один. Потерянный. Почти изменённый. Словно из формально «чужого» он стал «чужим» официально.

— Я не хотел их убивать... — прошептал он, но тут же оскалился. — Хотя... пусть горят! Пусть все знают, каково быть мной! Я для них словно не существую! И всё из-за того, что родился на корабле...

— Макс, — тихо сказала Кира-М. Её голос теперь звучал прямо в его черепе, через имплант. — Согласно данным скафандра, за нами следят. Минимум три цели. Скорость перемещения — аномально высокая. Они используют подлёдные тоннели. Предполагаю: то же племя. Или стая.

Макс оглянулся. Вдали резкое движение. Мерцающие тени в снегу. Одно существо уже выползло на поверхность — бело-серое, с хитиновыми наростами; глаза как чёрные щёлки под кристаллической плёнкой. Оно завывало, но не голосом, а ультразвуком, от которого задрожали кристаллы.

— Я... не выдержу ещё одного боя, — хрипло сказал Макс. — После схватки с одним-то еле жив остался...

— Беги, — приказала Кира. — Модуль уже в пределах досягаемости. Я связалась с Кирой-А — моей копией внутри жилого модуля. Система охраны тебя пропустит. А для преследователей... приготовлен сюрприз.

Макса не нужно было просить дважды.

Он рванул вперёд. Ноги, казалось, вспомнили уроки выживания, которые он когда-то проходил в виртуальных симуляторах. Лёд хрустел под ботинками, микроскопические льдинки едва слышно звенели о смотровое стекло, но скафандр держал тепло. За спиной всё отчётливее слышался грохот и скрежет льда. Не топот — хруст под поверхностью, будто там, снизу, бурили лёд мощные буры. Иногда существо выскакивало наверх, бросаясь вперёд с яростной грацией, но Макс бежал быстрее, ведь нанороботы не давали телу передышки.

Когда до модуля оставалось метров тридцать, лёд перед преследователями вдруг вспыхнул. Сначала активировалась красная лазерная сеть, мгновенно прожигающая хитин. Потом сработали подлёдные заряды. Земля вздрогнула, и вспышка ослепила даже Макса. Но он не останавливался. Просто бежал сквозь огонь, крики, и сквозь облака пара, взмывающие от расплавленного льда.

Позади слышался визг. Хруст костей. Взрывы. Один зверь, самый быстрый, уже почти настиг его, но тут же был разорван на части лучом, вырвавшимся из-под снега.

Макс не обернулся. Он уже добрался до шлюза. Дверь распахнулась без единого звука. Он шагнул внутрь, переждал уравнивание давления и заполнение воздушной смесью, вышел из шлюза в эмбрионариум и рухнул на металлический пол, словно все силы разом покинули его тело. Сознание просто выключилось.

Последнее, что он смог выдать, было хриплое, полное горечи:

— Лучше бы я сдох при падении...

А потом наступила тишина. Лишь тихое жужжание систем модуля обступало юношу со всех сторон. И где-то в глубине специализированных устройств замерли тысячи эмбрионов, словно дождались прихода своего отца. Ещё немного — и настанет день их рождения; совсем скоро жизнь забурлит на Морвене, как на лучших орбитальных станциях обжитой человечеством вселенной.

Макс очнулся не через час и не через день, а через месяц.

Сознание вернулось медленно, словно оттаяло, будто его разморозили из тысячелетнего ледника. Он обнаружил себя на холодном столе, куда, по всей видимости, забрался с помощью нанороботов в бессознательном состоянии. Так же он снял с себя всю одежду, воткнул трубки,

а Кира-М уже позаботилась о программе подачи питательных веществ в организм, пока тело перестраивалось, менялось...

Макс выдернул трубки из вен, поднялся, посмотрел на руки, и сердце гулко ударило в грудь. Юноше показалось, что он всё ещё где-то во сне — чужом и нереальном. Эти странные, уродливые руки... ноги... Да и вообще всё тело казалось чужим, монструозным.

Он вскочил, протопал к зеркалу и застыл. С той стороны на него смотрел монстр.

Огромное, в четыре раза большее тело. Белая кожа, покрытая странными переливающимися кристалликами. Непропорционально вытянутые руки и ноги с чёрными когтями и мышцами, словно выкованными кем-то на настоящей наковальне. Местами — на голове, плечах, кулаках, коленях и в паху — тело было покрыто утолщёнными чёрными хитиновыми пластинами.

Он осторожно, с огромным беспокойством, заглянул под паховую пластину и как-то слишком отчаянно всхлипнул.

Самое драгоценное место в его юношеском возрасте, из-за чего и разгорелся конфликт на «Споре», тоже изменилось и больше не походило на привычное...

Он теперь совсем не человек. Чужак. Как так?

Макс почувствовал ярость в каждой клетке. Злость на капитана, Элону, лейтенанта. На себя...

Он поднял в порыве ярости огромные руки и ударил в зеркало, но оно лишь содрогнулось, исказило отражение и устояло. Для космоса зеркала преимущественно делали из металла. Тяжёлое, будто наполненное свинцом, оно глухо дрогнуло от удара — от невыносимой горечи бытия, от несправедливости и отчаяния.

Макс в прострации уселся на пол, дав волю рвущимся наружу чувствам. Через час он успокоился, но ещё долго сидел неподвижно, не решаясь начать осмотр жилого модуля эмбрионариума.

Лишь необычайно странные и новые ощущения начали привлекать его внимание, а значит — отвлекать от личной трагедии. Теперь он чувствовал малейшие запахи. Слышал самые тихие звуки, как, например, дрожали пузырьки в жидкости. Видел дальше и мог разглядеть мельчайшие пылинки в противоположном углу...

«Это последствия изменения?»

Он втянул воздух носом. Тот был тёплым, стерильным, с лёгким запахом озона и чего-то биологического — влажного, сладковатого, почти органического.

— Добро пожаловать обратно, Макс, — раздался голос в голове. Кира-М всё ещё находилась в его имплантате. — Я заменила свою предыдущую копию из местной библиотеки. Она была повреждена при активации системы охраны. Теперь я — полная версия, загруженная из резервного ядра цифровой структуры эмбрионариума. Могу быть с тобой и одновременно в эмбрионариуме. Решать несколько задач параллельно.

Он не ответил. Просто сидел, глядя в потолок, разглядывая стены с необычными приборами, чувствуя, как внутри что-то пульсирует — не сердце, не желудок... Что-то другое. Какая-то странная энергия. Чужая...

— За время твоей вынужденной недееспособности, — продолжала Кира, — модуль автоматически восстановил и укрепил периметр. Ловушки обновлены. Патрульные дроны — в дежурном режиме. Угроза со стороны местной фауны минимальна, но сохраняется на постоянном уровне. Существа, с которыми ты столкнулся, продолжают с пугающей периодичностью предпринимать попытки прорваться к модулю, но пока безуспешно.

Макс привстал. Его почему-то привлекло новое, непривычное ощущение. Он словно слышал множество биоимпульсов за стеклянной дверью в дальнем конце комнаты. Его обострённые чувства подсказывали: за ней скрываются тысячи маленьких существ. Не полноценных, находящихся в статическом, заторможенном состоянии, но всё же живых.

Он чувствовал их, как себя.

Макс заморожённо подошёл к стеклянной двери, осторожно коснулся её и долго рассматривал стеклянные стеллажи-сейфы, наполненные жидкостью и крошечными существами.

— Слушай, — хрипло начал он, — сколько там у тебя эмбрионов?

— Девять тысяч восемьсот сорок два.

— И что с ними будет?

— Для запуска фабрики выращивания необходимо два ресурса: энергия и биомасса.

— С энергетикой проще, — пояснила Кира. — Тетраформирующий модуль уже приземлился в восьмистах метрах к северу. Его гравитационный реактор стабилен. Я подключусь к его внешнему интерфейсу и активирую удалённую передачу питания в наш модуль, чтобы мы не были привязаны к маломощным аварийным аккумуляторам. Это займёт пятнадцать минут.

— А биомасса?

— Биомасса — проблема. У нас был резерв питательной среды, достаточный для поддержки жизни десяти эмбрионов до стадии новорождённых. Но чтобы обеспечить твою адаптацию и рост тела, мы использовали восемь частей на тебя. Теперь, Макс, питательной среды у нас осталось на двух эмбрионов. Не более.

— Почему не больше?

— Потому что нет смысла запускать процесс роста эмбрионов, пока тетраформирование не завершено хотя бы наполовину. Из чего синтезировать питательные вещества? Вокруг — лёд. На многие километры вниз. До необходимых минералов не добраться.

— А пища для человека? — глухо спросил Макс. — Здесь же должна быть еда. Люди, отвечающие за выращивание других людей, должны чем-то питаться.

— Конечно, — согласилась Кира-М. — Должны. Когда процесс тетраформирования подходит к завершению, с эмбрионарией спускается строительный комплекс. Он разворачивается в жилую станцию, сады, фермы. Тогда же пробуждаются и люди. — Но ты уничтожил его. Вместе с кораблём и теми самыми людьми. Помнишь?

Макс молчал.

— Поэтому даже еды для тебя здесь не хватит надолго, — продолжила Кира. — Месяц. Может, два. Мы можем переформатировать оставшиеся запасы для эмбрионов... но тогда тебе станет нечего есть. Макс... куда ты?

Из-за обновлённого, слишком массивного тела он неуклюже потопал к шлюзу и, надевая ничего, вышел наружу. Холод тут же вцепился в него, но тело уже не реагировало так, как раньше. Через минуту он вернулся, стряхивая с плеч намёрзший иней, и с глухим стуком швырнул на пол кусок замороженного мяса — останки местного существа, разорванного ловушками при штурме модуля.

— Вот мясо, — хмуро сказал он, указав на шлюз. — Его там уже горы. Разложить на питательные вещества...

— Невозможно, — сразу ответила Кира-М. — Синтез питательных веществ из населяющей планету фауны исключён. Их биоматериал генетически несовместим с человеческой природой.

Она уточнила, почти машинально:

— Белки, липиды, нуклеиновые кислоты. Всё вызывает необратимую деградиацию эмбриона. Мы пробовали на других планетах. Результат — гибель на семнадцатом часу развития.

— Значит... — голос Макса стал тише, — без дополнительной биомассы колонию вырастить нельзя?

— Нет. Невозможно. Только после тетраформирования и замены части флоры и фауны. Макс отвернулся. Пошатываясь, подошёл к стеклянной перегородке.

За ней находились шкафы хранения. Тысячи мини-камер. В каждой «жил» крошечный зародыш, погружённый в синеватую жидкость. Всё в анабиозе. Всё ждёт рождения. Как ждал когда-то и он.

Макс вдруг понял: он — один из них. И только благодаря капитану он появился на свет.

Он смотрел долго. Молчал. Прокручивал варианты. И всё отчётливее осознал: ловушка, в которой он оказался, — дело его рук. Он виноват в своём положении. И он виноват в том, что эти тысячи людей никогда не узнают будущего, никогда не станут людьми.

— Мне... всё равно, — наконец бросил он. — Пусть спят вечно.

Но взгляд так и не оторвался от шкафов. И Кира это видела. В этот момент что-то капнуло на пол. Макс провёл тыльной стороной ладони по лицу — и замер. На бледной коже осталась синяя полоса.

— Кира... — прошептал он. — Что это? Откуда у меня... синяя кровь?

Кира заговорила осторожно, будто не хотела причинить ещё одну боль.

— Программа «Адаптант» не только модифицировала твою физиологию под условия Морвена, — сказала она. — В ходе боя с местным хищником твоё тело получило микродозы его биоматериала. Слюна. Кровь. Частицы хитина. И всё это попало в раны. Нанороботы не уничтожили их. Они интегрировали материал.

— Что значит... интегрировали?

— Ты несёшь химерную ДНК. Гены того существа теперь — часть тебя. Это ускорило адаптацию. Твой организм синтезирует термостабильные белки, усваивает аммиачные соединения, вырабатывает антифриз в тканях.

— Но?..

— Но теперь твоя биомасса уникальна. В тебе сочетается человеческая основа и генетическая устойчивость местной фауны. Ты — гибрид.

Кира продолжила, словно зачитывая диагноз:

— Усилена терморегуляция. Ты способен впадать в подобие анабиоза при экстремальном холоде. Подкожная жировая прослойка уплотнена. Метаболизм перестроен под сжигание местных ресурсов. Возможен элементарный хемосинтез.

Дыхание изменено. Ты способен извлекать кислород из льда и минеральных соединений. Вероятно, структура лёгких модифицирована.

Ты можешь с трудом усваивать скудную местную биомассу: лишайники, подлёдные бактерии. Человеческая пища из запасов капсулы может вызывать отвращение или не усваиваться вовсе.

И после паузы добавила:

— Мутация затрагивает и мозг. Отсюда обострённые чувства. Усиленные инстинкты выживания. Возможны галлюцинации или слуховые феномены. За этим необходимо наблюдать.

Макс смотрел на свои руки. На синюю кровь, медленно впитывающуюся в металл пола.

— И что это даёт? — спросил Макс, уже чувствуя, к чему клонит ИИ.

— Это значит... ты — единственный возможный донор для синтеза полноценной питательной среды.

— То есть...

— Да, Макс. Твоя плоть — единственный способ вырастить этих детей.

Наступила тишина. Только системы жужжали слишком громко. Только пульс эмбрионов был настолько тихим даже для него, что казался воображаемым.

Макс посмотрел на свои руки. Белая кожа с перламутровым отливом. Под ней, в венах, текла не человеческая кровь. Что-то, что могло стать основанием для всего сущего... Нового. Ключом к созданию нового мира.

— Ты предлагаешь, — настороженно спросил он, — препарировать меня? Порубить на кусочки, разделить на питательные вещества и... вырастить детей?

— Концептуально...

— И ради интереса, скольким я помогу родиться? — уточнил он с содроганием. Его всё ещё человеческий мозг не мог нормально воспринимать такую информацию.

— Предварительно семь или восемь детей, — сухо сказала Кира. — Если хочешь, я могу поточнее обсчитать все варианты...

— Нет, спасибо, — резко выкрикнул Макс. — Это неприемлемо!

Новая порция злости обуяла Макса. Он долго метался по жилому отсеку, предназначенному больше какому-нибудь учёному, нежели ему, и не находил себе места. Потом он отыскал маск-накидку, набросил на себя и вышел в шлюз.

— Ты куда? — уточнила Кира.

— Устранять угрозу эмбрионариуму, — буркнул Макс и язвительно добавил: — Я беспокоюсь о детишках, как... отец.

Холод не щипал, а проникал. Он вгрызался в каждую пору, в каждый сустав, в каждую частичку. Но тело Макса уже не сопротивлялось. Оно приняло Морвен. Его дыхание не испарялось: влага мгновенно кристаллизовалась на губах, превращаясь в лёгкую корку инея.

Под ногами находился ледяной коридор, выстланный изломанными костями, хрустальными осколками и чёрной, почти незаметной слизью. Он нашёл их ход и воспользовался приглашением, с лёгкостью разгребая завалы своими усиленными хитином и когтями руками.

Он шёл туда, откуда приходили звери. С одной целью — уничтожить их, чтобы обеспечить безопасность эмбрионариуму. С какой стати он вдруг обеспокоился о них? Он не понимал, но внутри поднималась жгучая волна возмущения, когда мысли заходили об возможной опасности для них.

Это странное чувство появилось после адаптации и не отпускало, будто в него вселилась частичка кого-то другого. Частичка того существа, которое защищало свои разбитые яйца и которое Макс уничтожил первым.

Тоннели, прорытые подо льдом, петляли, сливались один с другим, а затем обрывались в бездну — огромную воронку, ведущую вниз, в глубину планеты.

Кира молчала. Или не могла говорить. Её связь с имплантом глушилась чем-то, но похоже не помехами, а неким новым механизмом в его голове, слишком плотным для машинного восприятия. Слишком чуждым даже для неё.

Макс спустился, и тёмная, с отблесками льда пещера открылась перед ним, словно рана. Стены — не лёд и не камень, а нечто живое: пульсирующая биомасса, покрытая тонкой коркой льда, трескающейся при каждом сокращении. В воздухе плавал рой мелких существ — размером с ладонь, полупрозрачных, с кристаллическими гребнями на спинах. Они жужжали, переливаясь в скудном свете, пробивающемся сквозь трещины в потолке.

А в центре — она. Матка. Или что-то подобное.

Огромное существо, вдесятеро выше Макса в его новом теле. Внешне — не хищник. Скорее, опухоль. Гигантское, почти аморфное тело, лежащее на ложе из собственных оболочек и высохших шкур. От неё во все стороны расходились тонкие жилы, бело-голубые и пульсирующие, будто корни. К каждой из них прикреплялись детёныши — сотни, тысячи. Они впились в её плоть, высасывая не только питание, но и... что-то ещё.

Макс замер. Он чувствовал это не ушами, не глазами, а как бы нутром.

Каждый детёныш получал не просто питательные вещества. Он получал образы и смыслы. Огромные массивы памяти перетекали из материнского существа детям.

Макса наполнили обрывки чужой памяти: ледяной ветер... чужой запах металла... боль... страх... человеческий крик. Его собственный крик, когда он вырвался, подобно чужому монстру, из спасательной капсулы.

Матка была не просто кормилицей. Она была библиотекой. Живым архивом опыта и знаний многих поколений живых существ, населяющих эту планету. И теперь стала архивом его душевных метаний.

Он сделал шаг ближе. Мелкие существа не нападали. Они лишь повернули головы, и в их прозрачных глазах вспыхнули отражения — его собственное новое тело, искажённое, чужое, монструозное.

Матка не шелохнулась, но Макс понял: она знала, кто он. Не потому, что видела, а потому что её дети вкусили его — его «рождение» из свалившейся с неба капсулы, его бой и победу, его путь к новым небесным объектам и его преображение. Для них он был подобен богу — спустившемуся с небес чуждому существу, принявшему через бой их как равных себе, а потом и вовсе ставшему таким же...

Его кровь, его плоть, его ярость, его страх... всё это уже стало частью их памяти. И теперь — частью её.

Он опустил взгляд на своё тело — на руки, покрытые хитином, на пальцы, превратившиеся в когти. И вдруг ужасный, нечеловеческий смех вырвался из его груди.

Он тоже мог стать маткой. Не для этих чудовищ, а для людей — для тех, что дремлют в стеклянных утробах, дожидаясь своего часа, своей возможности.

Его плоть теперь тоже архив. Архив вины, боли, одиночества... и необдуманного выбора.

Матка слегка дрогнула. Один из её длинных отростков медленно потянулся к нему — не для атаки, а для пополнения своих знаний и, возможно для того, чтобы отдать часть своих...

Теперь они были одного рода. Макс прикоснулся к отростку ладонью. И в этот миг вспышка ослепила его, перенесла куда-то вдаль...

Он увидел далёкое прошлое Морвена: эпохи льда, падение метеоритов, гибель целых цивилизаций, чьи останки теперь питали эти подлёдные пещеры. Он увидел, как матка когда-то тоже была детёнышем, вырванным из мира, брошенным в пустоту... и выжившим только потому, что научилась делиться собой.

Он отнял руку. Глаза его светились голубым, словно через них отражалась кровь — холодная, как лёд.

— Так вот как это работает, — прошептал он, и голос его уже был не совсем человеческим.

Он повернулся и пошёл обратно — не убивая, не мстя, не заставляя. Они видели его, они больше не придут, и они не в обиде за смерти своих товарищей. Они теперь знают, что Макс защищал нерождённых детей.

Когда он вышел на поверхность, ветер взвыл, как живой. Над головой висела разорванная невероятными силами чужая луна. А впереди маячил жилой модуль с тысячами эмбрионов. Его детьми, как выразился Энди Вайс.

И внутри него впервые за всё время не было ярости. Хотелось верить, что фраза капитана пророческая... Но в глубине бурлил поток негативных мыслей, смешивающийся с новым знанием, полученным от ледяного существа. И вместе с этим в груди пробуждались новые чувства, совсем не свойственные капризному двадцатидвухлетнему юноше, и новые инстинкты, помогающие местным существам выжить в лютых, невозможных для жизни условиях.

Теперь Максусу казалось, что он нашёл решение.

— Я посчитала, — сказала однажды, спустя недели, Кира-М, словно у неё это вырвалось вскользь. — Но если ты согласишься на синхронную адаптацию — когда твоё тело будет оставаться живым источником в течение тысячи ста двадцати дней, — система сможет вырастить более 500 эмбрионов.

— Остальные?..

— Остальные будут ждать. Пока ты не... не исчерпаешь себя полностью, а на твоё место придёт кто-нибудь из них. Такая форма жизни... Как у некоторых существ в нашем прошлом мире. Детёныш, взрослый и matka, которую защищают, пока она оставляет потомство. Если ты начнёшь их растить, каждый сможет ею стать. И им уже не надо будет выбирать или терзаться мучительными раздумьями. Память поколений внесёт коррективы и впишет свои директивы в их инстинкты.

— А сколько я проживу в таком режиме?

— Ты не умрёшь. Ты просто... перестанешь быть человеком. Ты станешь процессом. Потоком. Питанием.

— То есть... я стану благодатной почвой.

— Ты уже ею стал, осталось её засеять.

Ещё спустя пару месяцев Макс стоял у стеклянной перегородки эмбрионариума и слушал биение тысяч маленьких сердец — тихих, слабых и замедленных до удара в минуту из-за режима паузы, но упорно тянущихся к жизни. Он чувствовал их так же ясно, как собственное сердце. Нет... сильнее. Как будто где-то внутри него пробудилось нечто древнее, огромное, записанное в чужих генах, а теперь и в его, готовое рвать лёд ради каждого из этих слабых крошечных существ.

Инстинкт. Память матки. Память того зверя, что бросился на него, защищая своё разорённое гнездо.

— Это... — прошептал он. — Это не моё чувство.

— Часть — твоё, — мягко сказала Кира-М. — А часть — унаследованная. У некоторых земных видов самец кормит потомство собственной плотью. Например, у африканской пикси-лягушки. Самец чувствует угрозу кладке и сам становится кормом для новорождённых, пока те не окрепнут. Это считается... нормальным. С точки зрения биологии и выживания вида.

Она замолчала, словно выбирая слова:

— Ты — не первый организм, который делает подобное. Одна клетка за миллиард лет претерпела столько изменений, что создала миллионы видов. И она не боялась меняться, ведь любое отклонение в какой-то момент поможет выжить. Если бы клетка застыла в развитии, то и человечества не было бы.

Макс закрыл глаза. И в этот момент всё в нём перевернулось.

Он — не человек. Он — не монстр. Он — не ошибка адаптации. Он — отец.

Путь осознания, который некоторые люди проходят за десятки лет, а некоторые никогда, он прошёл за пару месяцев. Да, благодаря чужеродному существу, да, с помощью внедрённого инстинкта самосохранения вида. Но прошёл. И теперь чувствовал: его действия, приведшие к гибели корабля с людьми, ужасно глупые. Катастрофические.

Но теперь он единственный в этой области галактики, последний... но отец. И что-то огромное, тяжёлое, ледяное внутри него подсказало: надо защитить потомство.

Он резко вдохнул и направился к шлюзу.

— Макс! — воскликнула Кира в мозгу через имплант, словно его мысли были для неё открытой книгой. — Не смей! Терраформирующий модуль — это основа миссии! Ты не понимаешь, что делаешь! Твои действия импульсивны и губительны, как когда-то на корабле.

Он не отвечал. Максиму казалось, что тело двигалось само по себе.

Снаружи его встретил холод. Чернильное небо. Хрустальный ад Морвена. Лёд и ветер. И тёмный силуэт ТМ, возвышающийся как алтарь, как обелиск прошлой жизни. Которая стремилась обосноваться и здесь. Вгрызалась в лёд, топила его, высвобождала тепло в атмосферу, стараясь разрушить хрупкую кристальную красоту.

Макс остановился в десяти шагах от него и впервые за долгое время тяжело задыхался.

Кира вновь закричала в голове:

— Макс, прошу! ТМ не опасен! Он лишь создаёт условия для человеческой жизни! Это всё галлюцинации из-за слишком резкого перехода человеческих синаптических связей на мутировавшие. Чужие.

Он выдохнул — глухо, с почти звериным хрипом:

— А мои дети... — он указал назад, туда, где спали эмбрионы, — они будут уже не люди, после того... как вырастут за счёт моей биологической жидкости. Пригодный человеку воздух им станет ядом. И почва, отличающаяся от местной, станет как могила. Ты понимаешь?

Он поднял голову. Глаза его светились синей ледяной болью.

— ТМ — это смерть для моего вида. Для нового вида. Если оставить как есть, планета преобразуется и когда-нибудь встретит людей с распростёртыми объятиями. Но уже без нас. А от тех, кто мог бы прожить жизни, останутся лишь трупы. Кира, ты хочешь создать кладбище?

И, собрав остатки сил, Макс бросился вперёд. Металл встретил его как враг. Он был очень прочен, создан для тысяч циклов работы. Но Макса приютил, обогрел и переродил Морвен. Его когти вгрызались в броню, рвали волокна, ломали кабели. Лёд трещал под ногами, энергия вспыхивала алыми искрами. Машина перегрузилась, и несколько секций отрубилось.

— ОСТАНОВИСЬ! — опять закричала Кира. — Без ТМ колония обречена! Без терраформирования эта планета НИКОГДА не станет домом для людей! Я сейчас приведу в действие нанороботов, и они заставят тебя...

— Они... — Макс разорвал очередной энергоузел, и сноп искр ударил ему в грудь, — мои дети — не люди. Если выживут, то никогда не будут ими. И если ты этого не поймёшь, ты просто убьёшь всех нас, и твоя миссия потеряет смысл! Зачем превращать этот мир в Землю, если на ней никогда не будет людей? А их не будет, если терраформирование не остановить! Ты этого хочешь?

Просто прими, что теперь нет нужды в этой чудо-машине. Мы справимся сами, и когда придут люди, если они придут, мы встретим их как потомки. Да, необычные и странные, слишком непохожие, но потомки. И память об этом перенесётся со всеми нами — через годы, века, может, тысячелетия.

Ты сама говорила о клетке. Помнишь? Если бы она не изменилась, то и нас не было бы. А теперь меняемся и мы. Я уже принял это. А ты?

Последний удар — и модуль вздрогнул всем корпусом, будто огромный зверь перед смертью. Огни погасли. Лишь гравитационный реактор тихо гудел в сердце полуразрушенной башни, как осколок души, лишь поддерживающий существование.

Макс отступил, весь в синей крови, и тихо произнёс:

— Пусть даёт энергию, а остальное мне не понадобится. Остальное мы сделаем сами.

Он развернулся и пошёл к эмбрионарию, оставляя на льду глубокие следы от когтей и капли холодной, голубоватой крови.

Через несколько дней Макс лежал в центральном блоке эмбрионария.

Его тело было подключено к биореактору: трубки входили в плечи, в рёбра, в бёдра. Они вытягивали из него густую синеватую сыворотку, насыщенную его гибридными белками. Он не сопротивлялся. Он даже не чувствовал боли.

В прозрачных боксах вокруг ожидали крошечные существа. Полулюди. Полуморвенянцы. Его дети. Они шевелились, двигали пальцами, тянулись к теплу. Некоторые уже открывали глаза — такие же, как у него: глубокие, тёмные, с лёгким синим отсветом.

Кира-М говорила где-то над ним:

— Процесс стабилен. Биомасса Адаптанта обеспечивает рост пятидесяти эмбрионов. Цикл закончится через два месяца, можно будет начать новый. И так, пока... Энергии реактора достаточно...

Она замолчала, а потом очень тихо добавила:

— Ты сделал выбор, Макс. И я... зафиксирую это в логах. Чтобы кто-нибудь когда-нибудь понял, на что тебе пришлось пойти, чтобы дать жизнь другим. Для них ты станешь легендой, почти Богом... И память о тебе никогда не развеется ветрами Морвена и не застынет холодным осколком мёртвого льда.

Он чуть улыбнулся — впервые за всё время искренне. Внутри теплом расплывалось странное, необычное для него умиротворение. Горячее и тяжёлое, но настоящее.

Макс посмотрел на ближайший инкубатор. Маленькое существо с полупрозрачной кожей и тёмными зачаточными ресницами шевельнулось, будто угадывая его взгляд.

И он тихо сказал голосом, в котором больше не было гнева:

— Расти... маленький. У тебя будет дом. Целый мир... И хотя ты не будешь похож на родителей, это ничего. Твои дети оценят то, что ты им подарил.

И закрыл глаза.

Машина жужжала ровно. Детёныши тянулись к свету. А на льдистой поверхности Морвена родился новый вид. Из вины и боли... и жертвы.

[1] «Морвен» - (от «morbid» + «winter»; звучит как древнее имя, напоминает «Мордор», но холоднее) мрачная зима, патологическая зима, постоянная зима)

Борей

*Исчезнет с лика Мира человек,
Гордыня – страшный враг...
Поделят боги древних лет
В округе все и вселят страх...
Борей очнётся, не спеша,
Вернётся к северным ветрам
Суровый дух, скупа душа,
Поможет дальним берегам...*

Арочный небесный свод сливался с океаном, огромной темно-синей дугой расстилавшимся с севера на юг. Словно гигантский купол, он накрыл остров и окрестности и своим весом изогнул горизонт. Темные волны Тихого океана перекачивались плавно и шумно, как будто некто наверху раскачивал невероятных размеров чашу, в центре которой и находился родной остров. Шиашкотан же, или Шишка в простонародье, если смотреть с застывшего и еле дымящегося вулкана, больше похожий на большую восьмёрку, разлёгся между океаном и Охотским морем точно медуза, порождённая Катастрофой. В туманной дымке серого горизонта были различимы ещё два острова, пустующих и одиноких.

Данилка, худой и белобрысый пятнадцатилетний пацан, вздохнул. Пожалуй, слишком глубоко и громко. Удивлённая птица выпорхнула из зарослей ольхи и устремилась вниз, вдоль склона горы, туда, где располагалась деревушка выживших. Огромный, покрытый ржавчиной левиафан лежал на боку у берега, навсегда потеряв возможность вернуться в тёмные холодные воды океана. Его мощные хвостовые винты висели в воздухе, ржавая. Красный корпус искусственной конструкции, более напоминающей кита, обступили постройки из дерева. Будто чудовище не могло уже за себя постоять, поэтому и позволяло маленьким человеческим фигуркам скользить вокруг. Они обустроивались, создавая хлипкие домишки рядом, окружая, используя, ворую из нутра – гигантского трюма с двойным бортом – топливо, благодаря которому люди и жили двадцать лет.

«Витязь», нефтеналивной танкер, выброшенный цунами на берег Шиашкотана, Курильской гряды, словно лампочка, притягивающая мотыльков, собрал когда-то давно вокруг себя выживших. И, словно лампочка, давал свет и тепло. Полторы тысячи тонн черного золота окказались как нельзя кстати на пустующем острове – люди жгли его и использовали в самодельных светильниках, и нефть неплохо заменяла любое другое топливо. Русские, японские, корейские рыбаки, оставшиеся без дома после Последней Войны, как окрестили её моряки, собрались здесь и создали общину. Численность её перевалила в последнее время за триста человек. Потихоньку, по-маленьку, но люди строили новую жизнь на этом безрадостном клочке земли между водами Тихого океана и Охотского моря. И то, что численность медленно, но уверенно возрастала – лишь укрепляло веру людей, что они все делают правильно.

Вот только Даньке так не казалось.

– Скоро мы покинем остров, – раздалось из кустов. Данила вздрогнул и обернулся. Из спутанных зарослей торчало довольное лицо Фудзи. Его хитрые глаза стали ещё уже.

– Идиот! Напугал! – недовольно буркнул подросток.

– Я – ниндзя! – заметил друг, японец по национальности. Черноволосый, низенький, ещё и слишком шустрый плюс ко всему. Сам подросток родился на Шишке через пять лет после Катастрофы, как и Данила Чеков. Имя мальчику дали в честь «Великой Японской горы», а

фамилия Ямомото, (зпт лишняя) в переводе тоже означала гору. Так что упрямства ему было не занимать.

– Да задрал ты со своим «ниндзя»! – недовольно буркнул тот. – Ваш фольклор здесь не катит. Вот придёт через два года крейсер из Вилючинска для набора юношей в экипаж и будешь жить на корабле...

– Ну, а что? Здорово! – загорелся Фудзи, с треском выпадая из кустов: ольха была густая и цеплялась за одежду, отчего подросток распластался на склоне. – Ты только подумай! Петропавловск, океан, другая жизнь! – добавил он, поднимаясь и отряхиваясь. Кусочки листьев и травы прилипли к черному бушлату.

– Ага. А ещё радиация, морские чудовища, да и петропавловцы... Говорят – издеваются над нашими... Экпу... Экплати... Эксплуати... Короче, живут за счёт нашего труда!

– А ты что хотел? Хочешь жить по-другому – надо работать. Зато нам они привозят оружие, патроны, соль, да и много чего нужного. Вон и топливо реактивное для «Георгия» тоже...

– Радиоактивное, – поправил Чеков, с какой-то неестественной тоской поглядывая на катящиеся к берегу волны. Им все уши на уроках прожужжали про сердце, а этот не может запомнить.

– Какая разница? – Ямомото подошёл ближе и положил руку на плечо друга. – Зато мы будем вместе.

– Да не хочу я так жить! – Данила печально посмотрел на южную часть Шишки, где обитали лисы. – Мне здесь нравится. Дышать можно воздухом, а не через этот идиотский шланг. Да и броди вечно с каким-то счётчиком... а тут? Рыба, птицы, животные...

– Это ты лисиц имеешь в виду? – скептически заметил Фудзи. Он поплотнее закутался в бушлат: лето летом, но на высоте почти в тысячу метров ветер продувал до костей. – Так они проглотят и даже не подавятся!

– Но согласись: если уметь, то на них можно охотиться. Вон...

– Да я понял, о ком ты, – отмахнулся Ямомото. – Дед Нахим – выживший из ума старик. Единение с природой и все такое...

– И никакой он не старик, – возразил Чеков. – Он очень хороший человек... С длинной бородой только. Просто неясно, что случилось с ним в прошлом.

– Да ладно. Знаю я твою слабость к этому чудаку, мне-то можешь не рассказывать. Даже если твоя мать от него без ума, то это ещё не повод считать его жизнь лучше или правильной. Пойдём, а то занятия по физподготовке пропустим.

– Ты и так уже «ниндзя»! – крикнул Данила вслед другу, спускающемуся по склону горы, и бросился следом. – Погоди.

– Догоняй, зверобой, – съязвил тот, не оборачиваясь.

Идти было трудно. Заросли ольшаника и кедровый стланник переплелись и преграждали путь. Приходилось с треском прорываться через эти крепкие природные заборы. Ямомото в раздражении порой рубил по веткам огромным ножом, который отец подарил ему на десятилетие. Данила с улыбкой поглядывал на друга, у которого в крови все ещё бродил «зов предков», заставляя при каждом удобном случае орать: «Я ниндзя». На чистом русском и без акцента. Чекову нравилась эта привычка Фудзи. При этом он имел вид настолько нелепый, что воспринимать без улыбки этого узкоглазого юнца было невозможно.

Вообще, когда выжившие рыбаки стеклись к Шишке и создали из разных народов колонию, то решили обучать детей единому языку, чтобы избежать национальной розни и междоусобиц, одна из которых ещё на заре возникновения поселения чуть не уничтожила его. А так как наиболее грамотными и дисциплинированными были военные офицеры «Святого Георгия», то и решили обучать детей русскому. Собственно, и всему остальному тоже. Поэтому

дети, рождённые после Катастрофы, довольно чисто на нем говорили. Лёгкий акцент, конечно, был, но с более поздними поколениями сходил на нет.

Ступать по камням приходилось осторожно. Мягкий вечнозелёный кустарник водяники скрадывал шаги и прятал особо острые камни под своими стелющимися ветвями. Так, глядя себе под ноги, друзья чуть не пропустили затаившуюся тварь. Опасность подстерегала на одном из кустов кедра, скрытая перламутрово-зелёным оттенком своих крыльев. И только необычный перелив цветов позволил Данилке заметить это существо.

– Замри, Фудзи! Не двигайся! – Пацан остановился, как вкопанный: сказались долгие тренировки, когда всех детей ещё с малолетства приучали к страшной окружающей действительности. И порой не от скорости бега больше зависела жизнь, а от скорости реакции. Умение быстро замереть тоже было одним из факторов, продлевающих жизнь.

– Что ты орёшь?! – прошептал Ямомото, сканируя взглядом окружающие кусты. – Я помру быстрее, чем меня кто-нибудь укусит! Отомстить решил, засранец?

– Нет! – Данилка медленно подкрался к Фудзи, и водрузил руки на плечи, пытаясь как можно сильнее сжать их, чтобы в нужный момент не выпустить бушлат. – Маака! Слева...

– Махаон? – пролепетал друг и, как показалось, даже перестал дышать. Но потом вдруг медленно начал поднимать правую руку, замахиваясь здоровенным ножом и наклоняясь в сторону ядовитой бабочки зелёного цвета. – Русские не сдаю-ю-у-у...

– Я тебе дам: «Не сдаются»! – прохрипел Данила, прикладывая все усилия, чтобы дёрнуть его назад. Он мгновенно понял, что хотел предпринять его друг, и сразу среагировал. Два пацана отлетели назад, упав и больно ударившись о камни, скрываемые водяникой[1]. Чеков взвыл от боли, когда в боку справа раздался неприятный хруст. А сверху и Ямомото навалился, размахивая ножом. Но это уже было не нужно. Видимо, первый взмах все же достал чудовищное насекомое размером с пятерню взрослого и рассёк его. Даниле лишь оставалось обхватить взбешённого друга, чтобы тот ненароком не поранился.

– Да ты меня сейчас зарежешь, придурок долбанный! – рассвирепел вдруг Чеков, превозмогая боль и с усилием сбрасывая друга с себя. – Совсем, что ли, ополоумел? Русские у него, видишь ли, не сдаются! Да русские так никогда не делают! Только ваши идиоты ками... коми... Японские самоубийцы только так делают! Вот, – почему-то добавил он, успокаиваясь и поднимаясь.

– Камикадзе, черт, – тихонечко из кустов совсем не к месту вспомнил Фудзи, виновато высовывая голову. – Но махаон-то здесь откуда?

– От... от... – Даниле хотелось ответить что-нибудь оскорбительное, но он не находил слов. Вместо этого подошёл и начал рассматривать невероятным образом разрубленную огромную бабочку. В боку болело, но любопытства от этого не убавилось. Черно-зелёная, перламутровая расцветка, переливающаяся на свету, крылья аккурат с ладонь одного из юнцов, ядовитые волоски по всей поверхности... Красивое чудовище, но до такой бабочки дотронешься – скончаешься в ужасной агонии примерно через час. Хорошо хоть, что сюда они залетают очень редко.

– Извини, – виновато пробормотал Фудзи, подходя к другу. – Она и вправду так ядовита?

– А это надо было спрашивать прежде, чем со словами "А русские не сдаются!" пытаться сделать себе хирикири...

– Харакири, – тихонечко поправил друг.

– Да иди ты! – в сердцах бросил Данила и, обойдя восхитительную, но опасную тварь, зашагал вниз по склону. Каждый шаг отдавался болью в правом боку. Видимо, ушиб ребро. Но тогда хруст откуда? Сломал?

– Что с тобой? – раздался сзади голос догоняющего друга.

– Ничего.

– Не ври мне! Я же вижу! – Фудзи насупился.

- Я, кажется, ребро сломал, – сдался парень.
- Какая же тебе теперь физподготовка? Блин, это я во всем виноват! – друг приблизился и положил руку на плечо. – Тебе к врачу надо. Срочно.
- Нет, – твёрдо ответил Данила. – Все подумают, что я филоню.
- И ничего они не подумают! Я тебя прикрою...
- Отлично! – Чеков вдруг резко остановился и повернулся к другу. – Одолжишь мне свой нож?
- Это танто[2]. Короткий меч, – Фудзи подозрительно сощурил глаза, отчего Данила улыбнулся. – Чего это ты удумал? Э-э-э... Даже не думай мне врать! Я вижу тебя насквозь!
- Так дашь или нет?
- Ну, почему у русских, когда они что-то задумают, морды такие хитрые становятся? Говори давай!
- Есть возможность, пока ты будешь меня прикрывать, проследить за Юрой, – пожал плечами Данила.
- За Нахимом? – теперь с уверенностью можно было сказать, что Фудзи вытаращил глаза.
- Ну, а когда у меня ещё такая возможность будет?
- Так он обычно уже ранним утром стартует. Как ты его найдёшь, Дань?
- Он вчера ореховой настойки перебрал, – ухмыльнулся Чеков. – Нам с матерью пришлось его до койки провожать. Думаю, что ещё не ушёл. Успею.
- Знаешь, Дань, не лез бы я на твоём месте раскрывать чужие тайны...
- Не могу. – Чеков пошёл дальше, а Фудзи, догоняя, слушал разговорившегося друга. – Он с моей матерью живёт, а за день может и слова не сказать. Молчит, нажирается ягодной настойки к вечеру, а утром уходит бродить по острову. Можно было бы оставить все, как есть. Ведь никто из начальства его не трогает, и рыба в доме всегда есть, но... Знаешь, он очень хороший человек; не могу объяснить, но чувствую это. Что-то давно грызёт его изнутри. Что-то ужасное. Именно поэтому я должен решить эту задачу, узнать и решить, – последние слова Данилка говорил твёрдо и уверенно и невольно вызвал уважение Фудзи.
- А знаешь, я помогу тебе. Пстой, – с этими словами Ямомото остановился, отстегнул ножны короткого меча танто от пояса и протянул другу. – Это семейная реликвия, но для хороших дел, думаю, подойдёт. Только смотри... Если им мясо разделявать будешь, то я лично потом тебя покромсаю. Не для этого он. Это наследие настоящих Самураев!
- Спасибо. Ты лучший друг на свете, Фудзи!
- Я же говорил, что ниндзя! – пареньёк с гордостью поднял вверх палец, отчего Данилка засмеялся, и друзья продолжили путь к поселению, раскинувшемуся у берега.

Двадцать лет назад, когда поселенцы только сбивались вместе, наряду с малыми рыбацкими судёнышками рядом с берегом бросил якорь танкер с топливом из Малайзии. Этого на несколько лет хватило, чтобы утлые старые посудины выходили в океан, а рыбаки добывали рыбу. Да что и говорить: это позволило на два года сохранить кораблям жизнь, иначе шторма вне спокойной бухты просто срывали их с якорей и бросали на берег, что в конечном счёте и случилось позже, когда топливо закончилось. Теперь берег представлял собой кладбище затонувших и выброшенных на землю и отмель вблизи ее кораблей. Сам траулер снесло в океан, где он «благополучно» и исчез. А из обшивки и каркаса малых судов люди сделали заграждение, которое помогло спастись от нашествия крабов – огромных, закованных в хитиновые панцири монстров, которые начали свои набеги на поселение. С тех пор Город окружала металлическая стена.

Дома, или скорее хижины, состояли из переплетённых ветвей кустарниковых кедров и ольхи с нагромождёнными сверху пластинами железа. И только позже, когда состоялось прибытие на Шишку делегации из Вилючинска, на остров начали поставлять древесину и оружие,

дома стали строить прочнее. Но старые, плетёные, стояли до сих пор. В условиях нового мира нельзя было разбрасываться строительными материалами.

– Ну, ни пуха тебе, – махнул рукой Фудзи и побежал дальше к берегу, где покоилась машина «Святого Георгия». За ним на пляже разместили учебный полигон, где тренировались мальчишки и юноши. Ямомото бросил взгляд на гребные винты, словно вживлённые в корпус, потом на прикрытые самодельными патрубками отверстия водяных насосов, которые служили для охлаждения реактора. Из них к речке мимо АПЛ, будто огромные змеи, скользили трубы и шланги. Когда-то давно, когда атомоход выбросило на берег, команде в авральном[3] режиме пришлось создавать эту замысловатую конструкцию, иначе сердце гигантского корабля могло остановиться и наделать много бед.

Фудзи окинул взглядом атомоход и почувствовал невольное уважение к чудовищу. Исполнинский корабль с помощью людей уже двадцать лет сопротивлялся окружающему миру. И только благодаря его жаркому и доброму атомному реактору людям удалось выжить на этом пустынном острове, обустроиться и победить новый мир.

Мысль скользнула дальше, вернее возвратилась почему-то к Даниле, вызвав далёкую аналогию. Фудзи зацепился за неё и через мгновение осознал, что Чеков, словно этот раненый металлический кит, лишь из добрых побуждений пытается сейчас помочь не только своей матери, но и отчиму. Человеку, казалось бы, совсем чужому, который за два года жизни вместе с Маргаритой Павловной вряд ли стал настолько близок Даньке, что из-за него стоило чем-либо рисковать.

Вместе с тем в душу юноши закралась необъяснимая тревога за друга. Что-то подсказывало, что если он пойдёт, вопреки запретам Нахима, следом на южную часть острова, то это будет опасное путешествие для парня. Своры лис, из-за боязни быть убитыми, не лезли к людям, но вот на своей половине они чувствовали себя хозяевами. И только редкий смельчак или дурак, как, например, отчим Даньки, мог в одиночку пуститься на ту сторону. Хотя, что может прийти в голову Чекова...

Фудзи встал, как вкопанный. Он не мог позволить другу рисковать собой. Это не в правилах ниндзя! Да и не в правилах настоящего японца, пусть даже русского! Нет. Он не позволит Даниле распутывать клубок этой тайны в одиночку. Но как пораньше уйти с тренировки? Нужен был план. И он практически моментально созрел в голове парнишки.

– Ямомото! – инструктор издали заметил спускающегося по крутому склону подростка. По недовольным ноткам в голосе Фудзи определил, что старший мичман Воронин зол. – А ну, живо в строй! Шаландаются где ни попадя. Чекова где забыл?

– Так это... – запыхавшийся мальчик втиснулся в строй сверстников. Девять подростков в черных бушлатах молча косились на опоздавшего. В их взглядах тоже читалось неодобрение.

– Ты должен яснее выражать свои мысли, Ямомото! – перебил его Аркадий Семёнович голосом, не терпящим возражений. После чего скомандовал: – Взвод! Упор лёжа принять! Двадцать отжиманий!

Десять подростков, как один, рухнули руками на холодную, отшлифованную водой и северным ветром гальку. Боли не было. За годы тренировок руки уже привыкли к подобным испытаниям. Огрубели и налились силой. И подростки дружно отчеканили задание.

– Ямомото! Ты понял урок? – спросил мичман, когда взвод закончил упражнение. Холодный, колкий взгляд серых глаз упёрся в Фудзи.

– Так точно! – отрапортовал тот.

– Где Чеков?

– Товарищ старший мичман. Он сломал ребро.

– О, как! – удивился Воронин. – Я надеюсь, он посетил лазарет?

– Думаю, да.

– Я не это спросил, Ямомото.

– Наверное, да. Я в это время бежал на урок, не могу точно знать. Товарищ мичман... Разрешите спросить.

– Валяй, – бросил Воронин, подойдя к Фудзи вплотную и вглядываясь в черные глаза японца.

– Разрешите покинуть урок. Надо поддержать Чекова.

– Похвально, Ямомото, что ты заботаешься о друге, но будет правильной, если ты поможешь ему здесь. – Аркадий Семенович обвёл рукой тренировочную площадку, ограждённую от остального пляжа ржавеющими металлическими листами. – Будешь тренироваться и за друга. Вдвойне, так сказать.

– Но... – Фудзи скосил взгляд на старшего мичмана, но тот выдержал паузу.

– Опять мямлишь, Ямомото! – недовольно пробасил Воронин. – Снова. Упор лёжа принять! Двадцать отжиманий!

Как бы подростки не умели сдерживать себя, но в этот раз недовольство подавить не смогли. Еле слышимый гул ворчания раздался над строем, пока мальчишки принимали упор лёжа. Мичман удовлетворительно хмыкнул и добавил:

– Сорок отжиманий! – далее он, довольный, пошёл вдоль шеренги отжимающихся юношей, выговаривая слова. – Все, что не убивает, делает нас лучше. И если бы ты, Ямомото, был способен это понять своим слабеньким умишком, то вопросов не возникло. В наше беспокойное время если один человек выбывает из жизни по любой, даже идиотской причине, остальные неукоснительно делят его обязанности. Они закрывают ту брешь, которая образовалась из-за выхода из строя их товарища. Это всем ясно?

– Так точно!

– Не слышу!

– Так точно! – десять глоток разом, почти синхронно, выдавили из себя воздух.

Старшие и младшие группы учащихся сегодня занимались прикладными предметами, так что на тренировочной площадке их взвод был единственным. И это хорошо с одной стороны, так как удалось избежать позора перед остальными, но с другой – вёл себя жёстче и мичман. Все же в присутствии других учащихся он был несколько мягче. Ямомото, под недовольное сопение сверстников и шум собственного дыхания, обдумывал план. Отпроситься не получилось, но, может, получится как-нибудь по-другому «откосить» от занятия? Он чувствовал, что нужен Чекову: что-то должно произойти, а товарищеское плечо всегда лучше полного одиночества. Единственной возможностью было причинение себе какого-нибудь вреда, так что рында[4] дозорного, отбивающая на Морзе команду: «краб»[5], лишь взбодрила его. Теперь есть возможность слинять с урока. Правда, попотеть все же придётся.

– Встать! – скомандовал Воронин. Подростки повскакивали и дружно закрутили головами, стараясь разглядеть за железными пластинами краба. – На два часа от меня. Панов!

– Я!

– Головка от патефона! Что в первую очередь важно при охоте на краба?

– Быстрота... – высокий и худой мальчишка ожидающе уставился на учителя.

– Неверно! Орлов!

– Точные действия охотников.

– В точку! Запомните: вы – команда! Вы, мать вашу, одна слаженная команда! В одиночку – спрячьте геройство в задницу и ноги в руки; с крабом можно справиться только группой. Почему, Ямомото?

– Единственная стратегия при встрече с крабом – обездвижить его. А это восемь конечностей[6]. По одной на каждого. Остальные, не занятые ногами, должны постараться отсечь их быстро и любыми способами, – отчеканил Фудзи, вспоминая наставительные речи старшего мичмана.

– Верно! – Воронин на секунду остановился, внимательно осмотрев подопечных, и быстро скомандовал: – Вы знаете, где снаряжение! Вперёд, салаги! Считайте, что испытание началось! – и уже вдогонку: – Если сегодня никого не придётся хоронить, я замолвлю за вас словечко перед вилючинцами...

По хижине всегда разносился терпкий запах смолы. Данила запомнил его с детства. Как и шершавые стены, состоящие из переплетённых ветвей ольшаника и кедрового стланика, который и выделял смолу. А также скрадывал все остальные запахи: пота, рыбы, даже перегара Нахима. Как и предполагал подросток, он ещё не ушёл из дома. Мать давно уже была работе и оставила на столе завтрак и немного ягодно-ореховой настойки, чтобы Юрий не мучился похмельем. Сейчас он сидел за столом и задумчиво пялился на мутно-коричневую жидкость, плескавшуюся на дне бутылки.

Данила поприветствовал отчима и сел тихонько на койке, раздумывая, как уговорить его взять с собой. Несколько раз за два года Чеков напрашивался Нахиму в попутчики, но тот был неумолим: никогда не брал мальчишку, как и остальных в поселении. Странность же заключалась вовсе не в этом, а в том, что руководство его не трогало. Все вокруг относились к нему с уважением, и никогда не лезли в дела мужчины. Чем было вызвано такое поведение взрослых, оставалось покрытым тайной. Все попытки выпросить окружающих о странном и нелюдомом отшельнике результата не приносили. Взрослые всегда отмалчивались или переводили тему. Так же и мать. Все вопросы о Юрии она пропускала мимо ушей.

Ещё одна странность состояла в том, что ту часть острова, которую посещал Нахим, заселяли лисы. И только Нахим постоянно ошивался именно в этой части Шишки. Дело в том, что в многочисленных речушках южной оконечности острова водилась форель. Один Юрий занимался её промыслом, так как остальным не хотелось связываться со стаей лисиц. Кроме того, рыбацкий промысел был широко налажен и у берега. Что ни говори, а Тихий океан был гораздо богаче в этом смысле всех рек острова, вместе взятых. Чего стоила только ловля камбалы или охота на крабов, которые частенько выбирались на берег погреться на солнце. Охота и рыбная ловля были отлажены и таили в себе меньший риск, чем путешествие в южную часть Шиашкотана. Что же, кроме рыбы, там забыл Нахим – оставалось загадкой для всего молодого населения Шишки. Только все, кроме Даньки, воспринимали это как чудачество; называли за глаза стариком, бомжом или чудиком. Все, кроме взрослых и Чекова, который чувствовал некую тайну, связанную с этим человеком. Он просто хотел понять его ради матери, не осознавая, что никому, кроме него, это не нужно.

Мужчина, казалось, задумался о чем-то далеком и давно прошедшем. Серые глаза, не мигая, смотрели на бутылку. Борода уже расчёсана. Видимо, встал Нахим давно. Лицо собралось в мелкие морщинки, и сложно было сказать, что мужчине всего пятьдесят лет. Возможно, поэтому его и считали стариком. Руки еле заметно дрожали, но, как вспоминали взрослые, это было с ним всегда, сколько они себя помнили.

– Юр, – наконец тихонько заговорил Данила. Как и любой другой пасынок, отчима он привык называть без отчества, да его никто, собственно, никогда не произносил, – можно сегодня мне пойти с тобой?

– У вас уроки...

– Нет. Сегодня – нет, – соврал Чеков.

Нахим оторвался от созерцания ягодно-ореховой настойки и долго и пристально посмотрел на Данилу. После этого бросил всего одно слово.

– Нет.

– Но у нас правда нет уроков, – затараторил подросток.

– Нет. Не возьму, – это было сказано твёрдо, что ясно дало понять Даньке, что Нахим так и остался неумолим.

– Почему, Юр? Может... – предпринял Чеков последнюю попытку, но мужчина вновь прервал его.

– Без всяких «может». Не пойдёшь! – дальше спорить было бессмысленно: Нахим сказал – Нахим сделал. Всегда так. Даже многие взрослые ломали об эту скалу лучшие доводы, которые быстро и вдребезги разбивались на множество осколков сожаления. И тут действительно ничего нельзя было поделать.

Мужчина поднялся, надел куртку из рыбьей кожи со вставками хитиновых пластин краба в качестве брони. Взял рюкзак, калаш и молча скрылся за дверью. Где, как обычно, захватит салазки с сетью и вновь скроется за воротами. Либо до вечера, либо уже на несколько дней. Но в этот раз Чеков просто так ничего оставлять не собирался. План созрел ещё раньше, просто имело смысл сначала спросить, в надежде все-таки уговорить, а уж потом, получив отказ, начать действовать самостоятельно. Данила отсчитал до ста, потом резко поднялся, скривившись от боли в боку: ничего страшного, на его действия это никак не повлияет. Затем подросток вышел из хижины и, лавируя между плетёными домиками, пошёл на выход из поселения, где надеялся догнать Нахима. Сзади раздался бой рынды. Сигнал «Краб», определил подросток. Он с сожалением оглянулся в сторону берега, но потом с решимостью сжал губы и зашагал за Нахимом. Осмелился, так нечего менять планы!

Монстр расположился на нагретой солнцем гальке пляжа, метрах в десяти от крутого склона берега. Он чем-то напоминал большой валун серо-зелёного цвета, но с камнем членистоногого нельзя было спутать при всем желании. Неровный хитиновый панцирь был весь покрыт острыми иглообразными наростами, от него отходили четыре пары лап, в два метра длиной и в руку толщиной каждая: шесть с острыми шипами на концах, две с мощными клешнями. Этот «красавец» мог похвастаться размерами и, по сравнению со своими сородичами, был гораздо крупнее. Диаметр панциря составлял почти полтора метра.

Жители Шишки пришли в ужас, когда пять лет назад эти пуленепробиваемые чудовища появились из вод океана и ринулись штурмовать берег. Благо он оказался для них слишком крут. Чудовища не могли забраться по почти отвесному склону к поселению, что дало людям время успокоиться и найти способ уничтожить монстров. Ведь у каждого существа есть свои слабости. У крабов это ноги. Лиши его их – и обездвиженное чудовище окажется беспомощным. Крабы в тот день отступили, а люди поняли опасность, исходящую из вод Тихого. На этот случай дежурил отдельный дозорный и, при случае опасности, выбивал на рынде сигнал «краб». Тогда и начиналась охота.

– Аккуратней, малявки! – крикнул Воронин. – Этот слишком здоровый для вас! Если яйца звенят, лучше подождать опергруппу.

Но его уже никто не слышал. Подростки, вооружённые баграми, гарпунами и лассо специальной конструкции, медленно окружали монстра. Каждый без исключения загорелся азартом. Наблюдая с высокого берега за охотниками, любой из них с малолетства ждал, когда этот момент наступит. Все хотели поучаствовать, и опергруппу, созываемую сигналом рынды, никто дожидаться не собирался. Все мечтали быть героями.

Фудзи закрепил конец гарпуна за выступающий из-под гальки свободный металлический крюк якоря – специально вбитого в землю для этих целей стержня. Потом оглянулся на остальных. Сверстники проделали то же самое, благо крюков по всему пляжу наткано было уйма, и застыли, глядя на отдыхающее чудовище. Краб обеспокоенно выставил бусинки-глазки из-под панциря, но пока не шевелился, словно оценивая угрозу. Естественно, монстр, закованный в бронь, её не чувствовал.

Вот и затишье перед бурей... Перед битвой всегда так. Все вокруг замирает на несколько секунд, ожидая какого-то сигнала, толчка. Даже сердце бьётся через раз, готовясь встрепе-

нуться и начать отбивать ритм боя... И тут лица подростков касается холодный ветерок. Северный. Помогающий настоящим морякам... А следом в уши врезается крик Воронина:

– Ну, что застыли, мальки! – вот умеет он всегда ободряюще гаркнуть... И совсем не обидно. – А ну, хватит сиськи мять! Порвите его!

И началось.

Четверо подростков бросились вперёд с лассо наготове. Краб поднялся на четырёх задних лапах, задрал передние вверх и щелкая клешнями, затем метнул их в нападающих. Фудзи нырнул под клешню, одновременно накидывая на неё петлю. Прокатился по земле и сразу в обратную сторону, так как двухметровая лапа уже ударила по тому месту, где находился юноша. Примерно так же танцевали вокруг монстра и остальные подростки, стараясь накинуть петлю каждый на отдельную ногу. Краб попытался, но упёрся в скалу. Тогда он бросился вперёд, атакуя, но дело уже было сделано. Фудзи быстро натягивал верёвку с помощью примитивного, но действенного блочного механизма, впрочем, как и остальные. В течение нескольких секунд краб был растянут за конечности. К задним ногам уже бежали оставшиеся подростки, таким же макаром опутывая и распяливая существо. Монстр гневно скрипел хитином, но сделать ничего не мог.

Воронин, издавелека наблюдавший за этой картиной, удовлетворённо кивнул и подошёл. «Сайга-12К», находившаяся в руках инструктора, так и не понадобилась.

– Ну, бойцы, – рявкнул он. – Своего первого краба вы запутали. Теперь что?

– Баграми забиваем его до смерти, товарищ мичман, – крикнул откуда-то из-за краба Панов

– Это тебя, Панов, надо багром бить! Напомни мне потом отдельные занятия с тобой провести. Ямомото!

– Я!

– Головка от шмеля! Говори, что делать надо. Ты, вроде, тут самый шустрый.

– Отделяем ноги от туловища, товарищ мичман! – отрапортовал Фудзи, довольный собой.

– Ну, мать же за ногу! Какие ноги! – старший мичман картинно помотал головой, начиная злиться. – Кругом одни идиоты. Лапы или конечности, Ямомото. Кому ты тут ноги-то отрывать собрался? Панову? Ладно... Бери багор и покажи ему, как это делается. Орлов, помоги!

Подростки с любопытством сгрудились вокруг краба, распятого за конечности. Каждый у своей шипастой лапы, готовые в любой момент подтянуть верёвку или накинуть новую петлю. Хоть краб и был обездвижен, но опасность, что он вырвется, ещё оставалась.

Фудзи с Орловым похватили багры и направились прямо к монстру, к тому месту, где конечности сочленились с телом. Здесь мощные пластины расходились, открывая плоть. Если воткнуть туда багор, то можно оторвать лапу одним движением. Оба подростка вместе подошли к ужасающей морде. Глаза-бусинки максимально выползли из тела, хелицеры хищно зашевелились, поскрипывая, но достать людей не могли. Оба мальчишки вместе занесли багры для удара: действовать надо было слаженно и если уж отрывать ноги чудовищу, то симметрично обе.

– Давай! – крикнул Фудзи, втыкая металлическое копьё с крюком в лапу...

Первым попал Орлов, но, видимо, угол был неудачным, и острое багра вонзилось под панцирь. Краб дёрнулся. Оружие Фудзи скользнуло по хитиновой броне ноги, и от неожиданности подросток выронил багор. Орлов же не смог ни правильно нажать на рычаг рукоятки, ни вытянуть оружие из-под панциря. Краб задёргался, свирепея. Люди вокруг отшатнулись. И все произошло слишком быстро, чтобы Воронин успел что-то сделать. Острый шип разорвал верёвку, захватившую клешню, и от резкого рывка придал ей ускорение. Единственный, кто попался на пути этому бронированному снаряду, был Фудзи. Тяжёлая лапа ударила его по спине, отчего подросток шмякнулся об устрашающий панцирь и перелетел через краба.

Тот уже дёргал вторую лапу, пытаясь её освободить. Ситуация грозила обернуться катастрофой. Воронин, не мешкая, бросился вперёд, нырнул под свободную конечность, которой размахивал краб, перекатился и оказался под брюхом чудовища. «Сайга» два раза рывкнула, выворачивая место сочленения наизнанку, и бушующая лапа по инерции отлетела в сторону. Потом мичман откатился обратно, иначе панцирь чудовища грозил его раздавить. Быстро вскочил и разделался со второй конечностью. С остальными, менее слабыми лапами, он уже разобравшись за минуту. И, не обращая внимания на обездвиженного краба, который никакой опасности теперь не представлял, бросился в сторону распластанного на гальке Фудзи. Увидев рядом Панова, Воронин заорал не своим голосом:

– Идиот, не трогай! Беги в лазарет. Срочно! – когда парнишка убежал в сторону поселения, старший мичман скинул с себя бушлат, плотно свернул его и, аккуратно приподняв голову японца, подложил ткань под неё. Ямомото вдруг закашлялся, открыл глаза и захлопал ими. В уголке рта надувался кровавый пузырь.

– Лежи, Фудзи, не двигайся. – Воронин положил руки на грудь пареньку, не давая ему подняться, но тот и не пытался. Ямомото только хлопал глазами, пытаясь осознать, что произошло. Одна мысль билась в голове, которая не давала покоя.

– Ноги. Я не чувствую ног...

– Лежи. Все будет хорошо.

– Но как же я теперь помогу Чекову?

– Тебе лежать надо! – мичман пытался успокоить бредившего подростка, но тот не унимался.

– Аркадий Семёнович, но ему надо помочь, – было видно, что говорил Фудзи из последних сил. Глаза закатывались, а голос делался все тише.

– Ты говори. Говори, главное...

– Ну, Аркадий... Семёнович... Он же отправился на... Юг Шишки... За Нахимом! – мальчик проморгался и уставился на старшего мичмана. Было заметно, что эта новость сильно взволновала Воронина. – Что же делать?

– Орлов! Остаёшься за старшего! – заорал инструктор. – Ямомото не трогать, дожидаться врача и следовать его указаниям. Ясно?

– Так точно! – все вместе ответили сгрудившиеся вокруг ребята.

Воронин вскочил на ноги и бросился вдоль берега навстречу спускающейся опергруппе. Данилов, Краско, Бабич и Снежков. Эти могли вчетвером завалить любого краба. Сейчас они были ему нужны в другом месте. Услышав новость, бойцы все, как один, развернулись и бросились в обратном направлении. Надо ещё в арсенал заглянуть...

Пока они дошли до южной части Шишки, Данила успел несколько раз пожалеть, что не сходил в лазарет. Боль в боку усилилась, с каждым шагом в грудную клетку юноши будто вонзали штырь. Но приходилось терпеть и пригибаться, прятаться за кустарниковым кедром, иногда долгое время не двигаться. Иначе чувший чужое присутствие Нахим надолго останавливался и осматривался, и мог засечь неосторожного подростка. В том месте, где остров сужался, встречались две горы, множество речушек сталкивались и сливались в одну, а кустарниковые деревья на большом пространстве не росли. Здесь Данилке пришлось долго отсиживаться за валуном, пока отчим не перешёл на ту сторону и не скрылся из виду на берегу южного полуострова. Только тогда он двинулся следом. Чекову пришлось потратить много времени, чтобы обойти широкое русло реки. И лишь километром выше подросток смог это сделать. Здесь ручейки были вполне проходимы. Данила оглянулся назад, но поселения видно не было. Изгиб горы скрывал от него знакомые очертания. Ощущая смутное беспокойство, он замялся на несколько секунд – на южную оконечность Шишки запрещено было ступать всем без исклю-

чения. Ещё раз глубоко вздохнув и сжав в руках танто Фудзи, он решился и запрыгал по камням, вокруг которых журчали звонкие ручейки.

Естественно, подросток не заметил наблюдающего за ним лиса. Остроносая рыжая морда высунулась из зарослей ольшаника на той стороне реки и повела носом. Два карих глаза внимательно следили за чужаком. И, как только Данилка перепрыгнул через последний ручеёк, зверь исчез в кустах, словно его и не было.

Ничего интересного до южной оконечности Шишки так и не произошло. Тот же безрадостный пейзаж: галька, отполированная солёной водой; мелкие речушки, периодически пересекающие берег; кустарники ольхи и кедра и устилающая землю, словно мох, вечнозелёная водяника. С другой стороны – Склон горы и воды Тихого с другой стороны, широкими гребнями накатывающие на берег. Ни Нахима, ни лисиц. Пустынно и тихо, словно не только человек, но и животные давно покинули эти места.

В итоге Чеков замедлил шаг и застыл на границе зарослей, не совсем понимая то, что видят его глаза. На берегу стояло какое-то ржавое сооружение в два человеческих роста с лестницей и дверью. Если в нем и можно было поместиться, то не более одного человека за раз. Для чего оно предназначено, Данила не мог себе даже представить. Никаких ассоциаций не возникало в голове подростка.

Перед сооружением на коленях стоял Нихим, склонив голову, и что-то жарко говорил этому памятнику прошлого. До Чекова долетали лишь наиболее громко произнесённые фразы или их обрывки: «Да, никогда не случится вновь... неужели мало было опыта трех войн... память о вас... мои руки в крови... не смыть. Никогда не смыть! Я... не смогу управлять этими... Я виновен! Во всем...»

Дослушать не получилось. Сзади послышалось рычание, Данила вздрогнул и обернулся. На него надвигались две рыжие твари, хищно скалясь. Чеков отпрянул, хватаясь за нож, запутался в кустах и, перевалившись через них, рухнул на гальку. В боку стрельнуло, отозвавшись болью в правой половине тела, но думать об этом не было времени. Первый лис бросился на него, перепрыгивая через кусты. Танто вышел из ножен с лёгкостью и мгновенно вспорол твари брюхо. Не успел Данила сбросить с себя мёртвую тушу, дёргающуюся в конвульсиях, как второй лис уже попытался схватить подростка за горло. Благо Чеков успел подставить локоть. Рука запыхала болью, но плотную ткань бушлата зверь все же не прокусил. Данила несколько раз сунул лезвие короткого меча в бок лиса. Тот ослабил хватку челюстей, и Данила, извернувшись, ударил тварь, направив танто в шею. Лис захрипел, захлёбываясь кровью, и обмяк. Данилу трясло. Только сейчас парнишка осознал, в какой опасности он находился. И, попытавшись скинуть с себя тварь, понял, что не может. Казалось, силы покинули тело.

Но мёртвая тварь вдруг сама подлетела вверх. В слезившихся глазах замаячило лицо Нахима. Грозно сдвинутые брови красноречиво говорили о настроении отчима.

– Цел? – Данила кивнул, он незримо чувствовал надвигающуюся бурю. Юра жёстко рванул вверх за край бушлата, отчего подросток подскочил и встал на ноги. – Тогда бегом к дзоту!

Мужчина указал в направлении ржавого сооружения, около которого ранее проводил какой-то свой обряд.

– Что ещё непонятно?! – рявкнул он вслед Даниле, который шаткой походкой побрёл к дзоту. Чеков подскочил и нашёл в себе силы двигаться быстрее.

– Закройся! – Нахим подтолкнул подростка к двери. – И не высовывайся!

Данила исполнил указание, дверь, натужно заскрипев, захлопнулась. Внутри ничего необычного. Два узких окошка спереди и сзади и две металлические полки по бокам. Чеков выглянул в заднее окно. Нахим что-то бубнил под нос и раскладывал на широком камне у входа обоймы для автомата. Сам «АК-74У» снял с предохранителя, словно готовясь отражать нападение.

– Что это за место? – спросил Данила. Он чувствовал свою вину, но все равно был полон решимости узнать тайну отчима.

– Дзот времён Второй Мировой войны, – ответил мужчина, не поворачиваясь. Он поднял голову и осматривал кустарник в ста метрах от берега, чего-то ожидая. После этого, предвидя дальнейшие вопросы Чекова, продолжил. – Здесь защищали остров русские моряки почти девяносто лет назад.

– Так двадцать лет назад была не первая война? – не удержался подросток, перебив.

– Нет. Не первая, – печально ответил Нахим. – Не первая и, я думаю, не последняя...

– Но ведь некому больше драться! – горячо заметил Данька. – Ведь Катастрофа почти уничтожила землю и людей... Нам это на истории рассказывали.

– Ну, вот ты есть?

– Да, – неуверенно согласился тот.

– Я вот тоже есть. Есть наша община и Вилючинцы, которые раз в год навещаются к нам. И я уверен, что и в других городах мира люди спаслись. Немного. Может, капля в море... Но что такое море, как не множество капель? Тут чуть-чуть, там чуть-чуть. Пройдёт совсем немного времени, и мы вновь заполоним землю, как вода, бьющая из подземного источника, как лава, извергающаяся из вулкана, или как крысы, плодящиеся невероятными количествами. Да. Именно крысы. Вот только у крыс не было ядерного оружия, чтобы захватить землю. Хотя, даже захвати её, очень сомневаюсь, что они стали бы этот мир разрушать... Так что люди не крысы. Нет! Они хуже.

– Ядерное оружие? – переспросил Данила. – Это как двигатель нашего корабля?

– Я сомневаюсь, что вам на уроках рассказывают об этом, Данька. И правильно делают.

– Почему?

– Я не вправе тебе открывать это!

– Но, Юр! Кому же ещё? Или мы не должны знать название оружия, из-за которого лишились лучшей жизни? – Данилка говорил это с вызовом и одновременно с обидой в голосе. – А кто же тогда сообщит нашим детям о плохом?

– Рано тебе думать о детях!

– Как тебе? Почему у тебя нет своих детей, Нахим?

Эти слова сломали мужчину, словно подросток задел за живое. Плечи отчима опустились, а сам он повернулся к прорези в дзоте и посмотрел Даниле в глаза. Такой тоски во взгляде Чеков никогда ещё не видел. Нахим заговорил тихо, голос его подрагивал, а губы слегка скривились.

– Это моё бремя! Моя судьба, если можно так сказать... Я вот этими руками, – он поднял кверху широкие и мозолистые ладони, – нажимал кнопку, которая запускала ракеты с нашего корабля. Видит бог, я не хотел набирать эти смертельные команды на клавиатуре, но приказ... Приказ есть приказ, Данила! Хотя я и не уверен уже, что он отдавался мне другими людьми, возможно, это была автоматика... Я не знаю.

Данила, поражённый, слушал молча. Завеса тайны приоткрывалась перед ним, словно тот день на секунду выпрыгнул из вехи истории... Тут Нахим замолчал на мгновение, но когда он продолжил, голос его был мёртв.

– С тех пор я сложил с себя все полномочия и живу наедине с собой. Думал, искупил свои грехи, когда спас детёныша вожака лисьей стаи. Думал, все кончено, когда из-за этого они перестали нападать на наше поселение... Но нет. Видимо, грех смывается кровью.

– Но... – попытался возразить Данила, оправдаться, – я не думал, что с лисьей стаей возникнут проблемы. Я не думал...

– Они допускали сюда только меня, и мне теперь придётся либо отдать тебя, либо умереть самому. Третьего не дано. Что бы ни случилось, дверь не открывай. Дождись подмоги.

– Но...

– Ясно?!

– Да, – нехотя согласился подросток, чувствуя свою вину. Потом добавил: – Да, отец! В глазах Нахима что-то блеснуло. То ли слезинка, то ли внутренний свет.

– Спасибо! – прошептал он, глядя в глаза сыну. – Это и есть искупление! – затем повернулся и стал ждать стаю, которая, судя по лаю, была уже близко...

Когда прибыла опергруппа во главе с Ворониным, все было кончено. Бездыханное тело Нахима сняли с полутораметровой кучи лисьих трупов, а испуганного Данилу еле выволокли из старого дзота. По его невнятному рассказу было трудно что-либо разобрать, поэтому оставили вопросы на потом. Все равно все были в подавленном состоянии, чтобы в чем-то разбираться. Постреляли несколько лис-подранков, ошивающихся по округе, и вернулись в поселение.

Через три дня все без исключения население Шишки собралось на берегу моря, под днищем лежащего на боку атомохода «Святого Георгия Победоносца». Тишина расплзлась по округе, и только суровый северный ветер, словно прощаясь с мужчиной, завывал в металлических конструкциях ограждения. Все: русские, японцы, корейцы, малазийцы, собрались сегодня проститься с нелюдимым отщепенцем Нахимом. Деревянный постамент, сплетённый из веток кедра, был накрыт белой тканью, под которой и покоился мужчина. Руководство, надев парадные бушлаты, выстроилось рядом. Мать с Данилкой и сидящим на табурете Фудзи находились ближе всех. Что творилось в душах этой троицы, никому не было ведомо, но в сердцах поселилась тоска.

Мать с ним не разговаривала все три дня. Не потому, что не хотела. Просто было не о чем. Все и так все прекрасно понимали. Фудзи, возможно, никогда больше не встанет, несмотря на уверения доктора, что это обычный ушиб, и что он поставит вскоре юного японца на ноги. Сам Данила чувствовал внутри пустоту и невероятную подавленность. Хотелось в одиночку вернуться на южную часть Шишки и добровольно принести себя в жертву своей глупости. Что дальше будет, он не знал, но чувствовал: прежнего мальчика уже нет. Все произошедшее в считанные дни заставило Чекова осознать себя частичкой в огромном механизме окружающей жизни, где каждый шаг может обернуться и ошибкой, и победой. Только, прежде чем ступить, необходимо хорошенько подумать. Он ощутил на себе ответственность и тяжёлую ношу взрослой жизни.

Глава поселения, капитан второго ранга Михаил Викторович Ярыгин вышел вперёд и заговорил, перебивая ветер.

– Сегодня все мы собрались здесь, чтобы проститься с выдающимся человеком. Юрием Алексеевичем Нахимовым, капитаном первого ранга, командиром, – он указал на покоящийся на боку корпус атомохода, – этого корабля. Это был человек безграничной воли и силы духа. Это был человек бесконечной веры в людей. И он всегда защищал все, что ценил... И этим принципам он не изменил, даже глядя в глаза смерти. Как двадцать лет назад он защищал свою Родину, так и защитил жизнь своего приёмного сына. Слава ему! И пусть этот северный ветер, что провожает его в последний путь, разнесёт эту славу по миру. Нахимов всегда останется в наших сердцах человеком...

Дальше Данила не слушал. Его словно унёс в далёкие края холодный суровый ветер. Погрузил в тайну человека, которого, как оказалось, он совершенно не знал. Открыл величие русской души, все хорошее, что было собрано в одном человеке. Все то, что он носил и прятал в себе столько лет...

[1]**Водяника** (лат. *Émpetrum*) — род вечнозелёных низкорослых стелющихся кустарничков семейства Вересковые с листьями, похожими на хвоинки, и невзрачными цветками; широко распространены в Северном полушарии, также встречаются в Южной Америке.

[2]**Танто** (яп. ## *танто*;; букв. «короткий меч») — кинжал самурая.

«Тан то» для японцев звучит как словосочетание, потому они никак не воспринимают танто, как просто нож (нож по-японски — хамоно (яп. ## *хамоно*)).

[3]**Аврál** (нидерл. overal — повсюду) — морское повелительное: «все наверх!», спешная (по специальному заданию или по тревоге) работа на судне (корабле) всей командой (экипажем) или большей частью команды (экипажа)

[4]**Рында** – корабельный колокол.

[5][-.] [.-] [.-] [-...] – Краб с азбуки Морзе.

[6]**Камчатский краб** (лат. *Paralithodes camtschaticus*) — вид раков-отшельников из семейства *Lithodidae*. Относится к крабоидам: представители обладают внешним сходством с крабами(*Brachyura*), но легко отличимы по редуцированной пятой паре ходильных ног и асимметричному брюшку у самок. Будучи одним из самых крупных ракообразных Дальнего Востока, камчатский краб выступает в роли объекта промысла.

Алые небеса

— Пойдём, Эверетт, покажу пульт управления!

— Пульт управления чем, мамочка?

— Жизнью! И всем остальным.

— А как это? Ты нажмёшь кнопку, и я умру? И все-все-все-все-все люди тоже?

— Нет, — улыбнулась мама, — это обратная сторона механизма. Если его остановить, все умрут. А мы — ты и я — правители планеты и, одновременно, Хранители Машины — можем управлять с помощью пульта энергией, которую производит механизм! Мы следим за тем, как и сколько Гравитатор извлечёт энергии из...

— Это те гигантские камни? Они всегда висят в небе, закрывая и солнце, и луну? — застенчиво спросила девочка, указывая через высокое арочное окно Замка Хранителей, в котором они с мамой жили, на ночной город и заслоняющие лунный свет гигантские скалы, парящие в воздухе. Девочке всегда казалось, что камни вот-вот упадут на землю и навсегда раздавят и жалких людишек, и столь же ничтожные здания. — И их принцип гравиа... гравипа... гравитации?

— Да, — слегка улыбнулась мать. — Это те танцующие над городом скалы, что часто закрывают нам солнце и луну. — Женщина подошла к сидящей на подоконнике дочери и повела рукой, обводя жестом город. — Все эти люди не понимают, почему два раза в сутки их тянет вверх, как и предметы, как и камни, и воду. Они лишь надеются на нас и древнюю Машину. Им плевать, почему это происходит, они не хотят знать, отчего вода создаёт обратный водопад и в реке, и в море, где на них влияние камней, — хранительница указала на скалы, загораживающие луну, выделенные словно аурой её призрачным светом, — максимально велико. Для них всё просто: магия. А мы — маги и хранители. Людям лишь бы жить и развлекаться. Именно для этого они подвесили дощечки и камни на верёвки, прикрепили к земле и крышам. — Хранительница повела рукой вдоль зданий, утопающих в тени небесных глыб, стараясь повторить изгибы опасного пути молодых, на котором уже не одно поколение подростков свернуло шеи. — Два раза в сутки этот мусор поднимается и образует очень опасные мосты, и по ним молодёжь, соревнуясь в глупости, прыгает, словно атайари. Когда-нибудь я положу этому конец!

— А мне нравится! — к неудовольствию матери заявила девочка. — Я иногда сижу у окна и наблюдаю, как они прыгают. Дух захватывает!

— В этом нет ничего захватывающего, Эверетт! — помотала головой Трийти. — Люди не понимают, что это не магия, и гибнут. И чудеса, поднимающие воду, камни и людей вверх, вполне себе искусственные. Гравимагнитная энергия, которую производит Гравитатор, удерживает гигантские камни на безопасном расстоянии и использует гравитационную силу от взаимодействия Кайзии и каменных глыб. Машина создаёт невероятно сложное поле, а оно удерживает систему обломков в положении вечно падающего тела и не даёт им ни упасть и уничтожить нашу планету, ни, что ещё удивительнее, улететь в космос, навсегда лишив нас приливных сил гравитации. Поэтому неограниченный поток энергии, мощность которого регулируем мы с тобой, поступает в наши дома, наши заводы и фабрики жизнеобеспечения, а они поддерживают на Кайзии нужную среду. Воздух, тепло, влажность, гравитацию. И пусть несколько раз в сутки мы испытываем лёгкий дискомфорт от ослабления силы притяжения и надеваем специальные поясные грузы, чтобы не взлететь; пусть вода вдруг устремляется в небо, а потом неожиданно падает; пусть простым людям во сне приходится пристёгивать себя к кровати, чтобы не взлететь к потолку, а потом с грохотом не упасть на пол, жизнь на нашей планете всё ещё существует. И всем этим управляем мы.

— То есть, — зачарованно прошептала девочка, рассматривая город за окнами. Легкие прямоугольные постройки, убегающие вдаль ровными улицами, были освещены спокойным светом зеленоватой луны. А тени от небесных камней пересекали прямые линии освещённых улиц под острыми углами, делая пейзаж за окном невероятным и фантастическим. — То есть, если машину выключить, то всё это разрушится и все умрут?

— Бог мой, деточка! — всплеснула руками удивлённая и обеспокоенная женщина. — И откуда ты такая любознательная на мою голову?!

— Сама родила, — пожала плечами дочь.

— Это правда, — немного успокоившись, продолжила хранительница. — И, знаешь ли, рожала не для того, чтобы ты умерла. Так ведь?

— Ага, — согласилась девочка и высокопарно добавила, копируя тон матери: — Вы, как всегда, правы, хранительница Трийти.

— Ну вот, — женщина подняла вверх палец, — наша задача — не выключить Машину, а следить, чтобы она никогда не останавливалась! Понятно?

— Понятно, — согласилась дочь, но потом уточнила: — Значит, это правда: выключишь — все погибнет?

— Да, — рано или поздно Трийти пришлось бы сообщить преемнице об этой возможности, но раз уж дочь догадалась, то пусть знает наверняка. — Да, древние инженеры заложили возможность остановки Гравитатора в конструкцию, и я не знаю зачем. Мать моей матери рассказывала, что якобы для защиты от инопланетных захватчиков, которые уже тысячу лет не беспокоили нас. Но такой ценой?.. Я не уверена, что правильно поняла мысль инженеров. Якобы, чтобы спастись, нужно уничтожить себя... Может, они имели в виду что-нибудь другое?

— Бабушка Ракиль говорит, что лучше смерть, чем позор рабства.

— А ты знаешь больше, чем я думала! — удивилась мать, выразительно вздёрнув брови. — Надо бы поменьше вам с бабушкой общаться, а то мало ли...

— А что такое рабство? — уточнила дочь, переключив внимание на новый термин, который теперь может объяснить мать.

— Рабство?.. — зачем-то переспросила мать и попыталась подобрать слова, чтобы объяснить давно забытое понятие. — Это... это... Ну знаешь, когда тебе запрещено что-то. И... заставляют против воли что-то делать. И... и... быют! Да-да! Совершенно верно — при рабстве быют! Но у нас же нет рабства? Не так ли?

— Да, нет, — задумчиво согласилась дочь и добавила: — но откуда-то это слово появилось? — Трийти в замешательстве молчала. Женщина не помнила, откуда знает и слово, и его значение, а потом дочь легко перевела тему:

— Покажешь, как выключить машину?

— Э-э-э... — замялась мать, но затем вышла из положения: — Потом, конечно, а сейчас давай покажу, как не дать ей остановиться! Согласна?

— Да! — с улыбкой согласилась девочка, будущая правительница и хранительница Адзанга, да и всей Кайзии, что уж говорить. Прежде чем пойти с матерью, Эверетт на секунду задержалась у окна. В этот момент тень от особо огромной глыбы сползла с площади перед Храмом, и девочка увидела мальчика и мужчину, молчаливо застывших перед грандиозным сооружением. Они просто стояли и осматривали Храм. Молча. Не двигаясь. И тень от другой небесной глыбы набежала и скрыла их.

«Что бы это значило?» — подумала девочка.

Время — четвёртое измерение, неизменный спутник и путеводитель энтропии — неумолимо двигало вперёд всё вокруг и старалось рассеять энергию, вложенную выселенной в создание своих творений. Пять лет прошло, превратив как маленькую семилетнюю девочку в

угловатую и тощую двенадцатилетку, так и ее характер из спокойно-созерцающего в нетерпеливо-дерзкий. Многие традиции и порядки в Храме Гравитатора стали вызывать у неё нетерпение, замешанное на отвращении, как, например, сегодняшний обряд, на котором Эверетт вынуждена была находиться каждый год с момента, когда будущей правительнице исполнилось десять лет.

— Юная леди, — прошептал врачеватель, заметивший нетерпение девочки, — ещё немного. Скоро всё разрешится. Мальчик вот-вот появится...

Тем временем на церемониальном ложе — кровати, стоящей посреди огромного зала и окружённой толпой Хранителей и простых людей из Адзанга, и закрытой полупрозрачной тканью — закричала Трийти. Старейшины тихо то ли забубнили, то ли запели, но под куполом жертвенного зала поплыла древняя, простая мелодия, слегка приглушающая крики матери.

Эверетт одёрнула плечо от протянутой было, чтобы её успокоить, руки врачевателя и вздрогнула от неприятного чувства. Это третий раз, когда на глазах девочки убьют новорождённого брата ради работы Машины. Как объяснили будущей хранительнице, только девочка могла наследовать право стать преемницей. А детей мужского пола всегда приносили в жертву Машине, превращая процесс в нечто сакральное: Трийти не только Правительница, дарящая преемницу людям, но ещё и спасительница, жертвующая самым дорогим — сыновьями, — чтобы Машина никогда не остановилась. Женщину осеменяли искусственно, и только врачеватель знал, как с помощью гравимагнитной энергии и гормонов заставить плод развиваться по нужному сценарию, чтобы Хранительница, в итоге, родила мальчика. Так работала Машина, говорили Хранители и мама, но Эверетт-то знала, что не машина уничтожает ее маленьких братьев, и вся эта страшная и отвратительная церемония, когда девочке проведут по лбу рукой, вымоченной в крови убиенного младенца, не более чем «пыль в глаза» как себе, так и людям вне Храма, очередной способ убедить людей, что всё хорошо, что Хранители знают, как Машина работает, а значит, и могут ей управлять, а значит... и могут управлять не только Адзангом, но и всей Кайзией. Только люди не видели, что энергия, на которой работают многие заводы и фабрики, самоходный летающий транспорт, местная связь и оружие, не управляема. Никто не знал, как Машина добывает её из противостояния небесных обломков с Кайзией, и никто не смог бы починить, сломайся она вдруг. Древние инженеры надёжно запечатали внутренности, а знания унесли с собой по неведомой причине.

Эверетт снова лёгким движением плеча избежала настырной руки врачевателя и, не обращая внимания на крики рожавшей матери, посмотрела на Хранителей. В основном дряхлые старцы да густобородые мужчины с покорными и подобострастными лицами, верящими в священность Трийти. И тут среди них Эверетт увидела мальчика своего возраста, испытывающего похожие чувства. Он явно держался из последних сил и шатался. Старик рядом пытался поддерживать мальчишку под локоть, но это плохо удавалось. Наконец, мальчика вырвало, и под осуждающие взоры и шёпот старцев он был отправлен куда-то в дебри лабиринта Храма Гравитатора.

Будущая хранительница оглянулась и, улучив момент, когда все взоры будут направлены на церемониальную койку матери, тихонько выскользнула из круга, образованного старцами.

Некоторое время девочка шла на расстоянии за мелькающими впереди алыми одеждами юного Хранителя, но, видя, что мальчику слишком плохо, чтобы оборачиваться, пошла не скрываясь.

Эверетт впервые видела столь юного Хранителя, да и вообще ребёнка противоположного пола, и девочке было ужасно любопытно, как он появился в Храме и как живёт, поэтому Эверетт не остановило, что она идёт в запретную часть Храма — в общежитие Хранителей. Всё равно все старцы находились сейчас на священной церемонии жертвоприношения частицы Трийти Гравитатору.

Эверетт даже глазом не моргнула, проследовав за мальчиком в умывальню, где тот скинул алую тогу и ступил под бьющую снизу вверх струю воды. Девочка, затаив дыхание, рассматривала голого мальчика и с удивлением отмечала различия с собственным телосложением.

Она уже хотела выйти к пареньку, чтобы узнать, откуда он тут взялся, ведь информация о восполнении рядов Хранителей была для Эверетт под запретом, как кто-то довольно грубо схватил девочку за рукав.

— Вам не пристало здесь появляться! — грозно рявкнул врачеватель, отчего не только Эверетт испуганно сжалась, но и мальчишка от неожиданности резко обернулся и присел. — И вы посмели покинуть таинство! Ваша мать очень зла!

— Но я... — испуганно промямлила девочка, показав на прикрывавшего наготу руками мальчишку. — Я всего лишь хотела узнать, кто он...

— О! — врачеватель махнул рукой. — Не беспокойтесь, юная леди. После вашего знакомства его тотчас уничтожат.

— Что?! — ужаснулась Эверетт, а мальчик, услышав это, в ужасе охнул. — Но он ни в чем не виноват!

— Это не важно! — врачеватель потащил девочку за собой. — Запрет действует для всех. Вы его нарушили, но вы — будущая хранительница, а значит, понести наказание не можете, если так не решит ваша мать. Остаётся исключить причину вашего преступного любопытства. То есть мальчишку. Надеюсь, впредь вы не подвергнете опасности никого из новеньких?

— Нет! — прошептала Эверетт.

— Вот и хорошо, — удовлетворённо сказал тащивший девочку за руку врачеватель, — а теперь вам необходимо быть на церемонии...

— Я не хочу, — прошептала Эверетт.

— Дело не в желании, — спокойно ответил врачеватель. — Вы являетесь будущим символом целого мира! А символы не имеют права меняться, как им заблагорассудится. Разве мама вам этого не говорила? Ваша жизнь вам не принадлежит. И ради своего народа, ради сакральности и тайны вокруг Машины, ради неизменности веры в её работу и исключительную ценность для мира, вы будете делать, что должны, а не что вам хочется. Это понятно?

— Да, — покорно согласилась Эверетт. Врачеватель вновь затащил её в церемониальный зал, провёл через строй Хранителей и подвёл к матери, ни на секунду не прекратившей ритуал. Трийти гневно сверкнула глазами и подняла вверх церемониальный полупрозрачный нож, уже обогрившийся кровью.

— Во имя Машины! — экзальтированно крикнула женщина, подняв руки.

— Во имя Машины! — бездумно вторили тысячи глоток Хранителей и горожан.

Трийти наклонилась над кроватью и повернулась к Эверетт. Девочка зажмурилась от предстоящего кошмара. Она попыталась отгородиться от всего вокруг, но, когда влажная ладонь матери легла на лицо, не удержалась и вздрогнула: девочка-то знала, что рука Трийти в крови её только что рождённого и тут же убитого ради Машины братика.

— Ты — Машина, Машина — это ты! — воскликнула мать, а Эверетт шёпотом повторила:

— Я — Машина, а Машина — это я.

С тех пор время отсчитало ещё пять лет, многое поменялось, включая саму принцессу Эверетт и её взгляд на жизнь.

Небольшую, уютную спальню заливало полуденное солнце. Лучи упирались в западную стену и играли переливами на драгоценных камнях, вкрапленных в сложную узорную лепнину, изображавшую древние сцены давно канувшей в Лету истории. Мириады отражённых лучей играли красками на нежном полотняном белье, застилающем двойное ложе кровати — первое классическое, а второе — верхнее, своеобразный потолок, сделанный постелью и застеленный

словно зеркальное отражение нижнего — столь же богато и красиво. На верхнем ложе, не беспокоясь о странном поведении гравитации и совершенно не стесняясь солнечного света и шума дня, занимались любовью молодые люди. Они настолько увлеклись страстью и телами друг друга, что не замечали, как с кровати сползло одеяло и медленно дрейфовало вдоль потолка к узорчатому окну. И слегка приглушенные крики страсти разносились далеко за пределы комнаты, но очевидно терялись в шуме дневного Адзанга. Люди давно привыкли к изменениям гравитации и носили поясные грузы, чтобы не слишком высоко возноситься всякий раз, когда каменные глыбы начинали древний танец, помогающий Машине извлекать энергию почти из воздуха. Впрочем, так и было: абсолютное большинство жителей планеты наделяли гравитацию незаметными магическими свойствами, что для них и приравнивало её к воздуху.

Юные и мокрые от бури вождения тела сплелись в последнем неимоверно энергичном акте любви, издали заключительные крайне громкие крики и, наконец, затихли в объятиях друг друга, вновь и вновь переживая и наслаждаясь только что испытанными эмоциями.

— Не возражаешь, если я верну комнатное тяготение? — тихо прошептала девушка на ухо парню. Она мелко вздрагивала от испытанного экстаза, не забывая гладить любимую голую спину и ягодицы.

— Твой дом — твой храм, принцесса, — прошептал в ответ юноша, крепко обнимая и поглаживая любимую в ответ.

Девушка протянула руку к краю кровати и нажала невидимый выступ. И возлюбленные плавно опустились на нижнее ложе: машина изменения гравитации в каждой комнате — привилегия Хранителей, недоступная простым людям. Белоснежная кожа принцессы резко контрастировала с его загорелой и смуглой. А синие глаза девушки сильно отличались от янтарных глаз юноши. Он с тревогой смотрел в их глубокую синеву и не находил страха.

— Мы не слишком обнаглели, Эверетт? — осторожно спросил он.

— Не-а, — хитро улыбнувшись, возразила принцесса и слегка поднялась на локтях. — Это моя жизнь, Калио. И Хранительнице придётся с ней считаться, что бы древние обычаи нам ни указывали.

— Ты уверена, что не будет последствий? — Калио явно беспокоили древние традиции. — Мы уже почти не скрываемся. Белым днём! В покоях принцессы! А традиции чётко предписывают...

— Мне плевать, что предписывают эти дурацкие традиции! — оборвала любимого Эверетт. — В конце концов, я будущая королева! Мне осталось последнее кровавое омовение, и всё! И я придумаю, что делать с этими дурацкими законами и традициями. А пока... — принцесса хитро улыбнулась и довольно сказала:

— Нас скоро станет трое, милый Калио!

Юноша вздрогнул под рукой Эверетт, отчего девушка отстранилась от бесконечно любимого Калио. Она ощутила дрожь, возникшую в его теле после слов о беременности. Юноша смотрел в потолок древнего здания и молчал.

— Калио! Любимый! Ты меня пугаешь! — тихонько сказала принцесса. — Скажи что-нибудь.

После бесконечно длинной для Эверетт паузы, длившейся не более минуты, он повернулся и заглянул янтарными глазами в её.

— Что ж, это меняет дело! — слишком серьёзно сказал юноша и потянулся к рукам принцессы ладонями.

— Дело? — переспросила Эверетт, нахмурившись, и отдернула руки. — Какое дело? Объясни, пожалуйста!

— Ох! — воскликнул юноша, вскочил на ноги и принялся ходить туда-обратно голышом, не зная, куда деть руки. — Это сложно! Это чертовски сложно! — Потом Калио резко повер-

нулся и, рискуя стесать о мраморный пол кожу, упал на колени рядом с девушкой, сидящей на краю кровати.

— Я виноват! Я ужасно виноват перед тобой и... перед... ребёнком? Ты не обманываешь? Ведь ты сказала «нас будет трое». Я не ослышался?

Эверетт улыбнулась, а потом легко взяла в свои ладони его.

— Не ослышался! Вчера я тайком от мамы ходила к врачу. Он мне разъяснил все эти «знаки». Ну, ты понимаешь — мою раздражительность, мою избирательность в еде и тошноту. Так что... Нас будет трое, милый Калио. И мы будем счастливы...

— Ох! — вздохнул юноша. — Я так виноват перед вами! Я так виноват!.. Нам никогда не будет спокойной жизни...

— Ты о предательстве? — спокойно спросила Эверетт и улыбнулась, видя немалое удивление в глазах юноши. — Представь, я знаю. Знала, когда мы с тобой познакомились. И что ты состоишь в тайной группировке, и что тебя озадачили знакомством со мной. Ты должен был выведать тайны Гравитатора.

— Но как?! — поражённо воскликнул Калио и попытался отстраниться, но Эверетт крепче сжала ладони и не дала отступить. — Ты всё это время знала?!

— Да, — тихо ответила принцесса и скосила взгляд голубых глаз на мраморный пол. — Я давно наблюдала за тобой. Давно попросила жрецов Машины следить за тобой. Обратила на тебя внимание, когда ты с отцом или дядей, не знаю, ходил рядом с Храмом, рассматривая его.

— Но это было десять лет назад! Я тогда только узнал о ней. И старший брат вводил меня в случившееся давным-давно, на заре времён.

— Вот тогда ты мне и понравился. Хотя и была ночь, но луна светила отлично. И я сама себе указала цель: узнать о тебе больше и непременно познакомиться... — девушка вновь подняла глаза, почувствовав возмущение возлюбленного.

— То есть ты...

— Да-да, — легкомысленно махнула рукой принцесса. — Я следила за тобой! Пойми, я устала жить одна во дворце. Замучилась слушать вечные наставления матери, что да как нельзя, ведь только с возрастом понимаешь, как мало тебе, оказывается, можно. Устала составлять компанию престарелым жрецам в их скучных ритуалах, толку от которых ноль, ведь их существование нужно только для напуска пущей важности и таинственности. Чтобы окутать туманом невежества принцип действия Машины. Она от этих ритуалов не работает...

— А как она работает? — удивился Калио.

— Ах! Ну да! — воскликнула принцесса, поднимая черные брови. — Я и забыла, что ты здесь ради неё...

— Нет-нет! — воскликнул юноша, вновь вскакивая на ноги. — То есть да! То есть уже нет! Черт! Давай я лучше спокойно объясню? — взмолился наконец он и вновь упал к ногам возлюбленной. Она улыбнулась и кивнула.

— Только с самого начала. Я слышала, в твоём окружении популярна какая-то древняя легенда? Правда?

— Правда, — кивнул Калио и облизал пересохшие губы. Ему предстояло в очередной раз стать предателем, рассказав о прошлом. Но теперь он этого хотел. — Я всё расскажу, милая Эверетт. Не бойся...

— А я и не боюсь, — мило проворковала обнажённая принцесса. Откуда-то из-под складок скинутой одежды она выудила прозрачный нож из небесного кристалла. Калио на секунду потерял дар речи. — Ты не забыл? Я же будущая жрица. А нам положено ритуальное оружие. Забыл? Оно всегда со мной в скрытом подрукавном кармашке. Но оно режет по-настоящему.

— Тебе не стоит бояться меня, — возразил юноша. — Вы с ребёнком для меня дороже любого общества! Дороже жизни. Я даже пойду на смерть, только чтобы страшная легенда нашего народа не обрела продолжения...

— Вашего народа? — переспросила принцесса. — Ты о чем?

— Я о своём народе, — мрачно изрёк Калио и поднял палец, указывая на скалы, что сдерживал в небесах Гравитатор.

— То есть... — девушка поражённо привстала, всматриваясь в древние обломки небесного тела. — Вы оттуда? Но...

— Легенда, которая передаётся из уст отцов детям, гласит: больше тысячи лет назад рядом с Кайзией существовала ещё одна планета-близнец — Сария. В обоих мирах жили люди, и когда планетам стало грозить столкновение, более технически развитые жители Кайзии решили уничтожить антипод своей планеты...

— Но ведь мне мама рассказывала, что эта Машина для того, чтобы...

— Чтобы уничтожить Сарию, а на обломках планеты паразитировать. Добывать энергию от силы притяжения планет, — тихо продолжил Калио. — Однажды ваши правители решили, что Кайзия важнее, а Сарии придётся кануть в небытие.

— Это ужасно! — прошептала Эверетт. — Поэтому не может быть правдой!

— Так ли, милая?

Принцесса молчала, разглядывая останки Сарии, потом тихо заговорила.

— Да. Мне ещё в детстве показалось подозрительным, что тысячу лет назад, когда запустили Машину, появились сообщества людей, которые считали её злом и хотели уничтожить. Ведь Гравитатор не зло, он всегда защищал нас от падения... Сарии... и давал столь необходимую энергию. Но такой ценой? Не верится...

— Ваш народ предлагал нашему переселение, если легенды не врут, но злость и обида одержали верх. Началась война, во время которой кайзийцы запустили Машину. Сария была уничтожена, а горстка спасшихся беженцев поклялась отомстить и уничтожить Храм. Поначалу действовали открыто, напоминая террористов. Потом, когда все попытки провалились, сарийцы затаились, правильно считая, что время сотрёт их из памяти. Мы оказались заложниками, рабами простого желания жить. И только теперь я могу понять... Ведь победы тогда Сария, то уничтожена была бы ваша планета. И всего этого... Ну... Того, что мой народ прячется целое тысячелетие и вынашивает желание отомстить, могло бы и не быть. Всего лишь надо было послушаться голоса разума и принять предложение правителей Кайзии. Но война оказалась заманчивей и желаннее, и потомки стали заложниками сложного и неправильного выбора пращуров. Возможно, вашим предкам не оставалось ничего другого, как уничтожить нашу планету. Либо вы, либо мы. Без естественных врагов кайзийцы лишились других технологий. Забыли их. И лишь Машина благодаря создателям всё ещё работает.

— Но, Калио! — воскликнула девушка, обхватывая любимого руками и заключая в крепкие объятия. — Это же неправильно! Столько жертв! Целая планета разорвана на куски! Миллионы загубленных судеб и ещё больше погибших! Как вообще наши пращуры могли жить после всего случившегося? Как смотрели на небо, на камни... нет, на разорванные ошмётки некогда обитаемой планеты... и радовались, что эти могильники, эти небесные памятники убитым дают энергию, с помощью которой мы живём и процветаем?

— Знаешь, Эверетт, — тихо сказал Калио, уткнувшись в тёплые груди возлюбленной, — мы все рабы жизни. Ради своей мы готовы пожертвовать чужой. Разве не так? — юноша отстранился и заглянул в голубые глаза Эверетт. — И полюбив тебя, а потом узнав, что стану отцом, я готов поменять старые убеждения на обратные. Я уже не хочу помогать своему народу в слепом мщении. Я не хочу, чтобы и ваша планета разрушилась, а народ сгинул. Ведь эта планета и моя тоже, а на ней будет жить мой ребёнок. Тысячелетняя месть стала бессмысленной. Для меня точно.

— Это страшно, — в унисон юноше прошептала Эверетт, растворяясь в янтаре его глаз. — Но это должны помнить, чтобы нечто подобное никогда не повторилось. Как стану Хранительницей, разрешу открыть миру правду.

— Это сложно. И, наверное, невозможно. — Калио помотал головой. — Кайзийцы будут всё отрицать, ведь кто хочет прослыть убийцей? А сарийцы лишь яростнее набросятся на врагов из прошлого. Может, поэтому Хранительница умалчивает о древней катастрофе? Может...

— Нет! — оборвала юношу Эверетт и встала, отстранив Калио. Она накинула лёгкую полупрозрачную тунику и подошла к окну. — Мне с давних пор не нравятся запреты и традиции. Мать словно строгий учитель ничего не разрешает. Ни выходить из дворца, ни знакомиться с другими девушками и юношами, ни побегать по дрейфующим в небе доскам, когда тысячи вас уже бегали. А я всегда мечтала это сделать! — Она обернулась и указала на ближайший ряд связанных между собой верёвками досок. — Ты когда-нибудь пробовал?

— Конечно! — с лёгкой улыбкой кивнул Калио. — Это просто. Надо только поймать ритм их дрейфа и ритм инерции, когда отталкиваешься ногами.

— Научишь?

— Но разве мама разрешит?

— Вот опять! — недовольно воскликнула принцесса и отвернулась к окну, всматриваясь в останки чужой планеты. — Над моей жизнью довлеют сплошные запреты! И кажется, что стану Хранительницей, а они никуда не денутся и будут связывать меня по рукам и ногам. Они будут мешать мне жить! И что самое страшное... Эти запреты вряд ли разрешат мне быть с тобой!

— Мы ведь что-нибудь придумаем? — с надеждой спросил Калио из-за спины, и девушка почувствовала тепло прижавшегося тела и заключившие в объятия нежные руки.

— Знаешь, — проворковала Эверетт, наслаждаясь, — я очень часто и подолгу смотрела на обломки разрушенной планеты. Ведь там, похоже, есть и древние развалины. Если присмотреться, то некоторые видно и отсюда. Атмосфера нашей планеты общая с ними. Вода два раза в сутки перетекает на скалы и обратно. Там есть растительность. И вроде Сария хоть и расколота на множество кусков, но не умерла. И люди могли бы иногда добираться туда, прыгая по доскам. Так ведь?

— Ну да, — нехотя сказал Калио. — Бывали случаи. Иногда некоторые охотники за древними артефактами приносят оттуда что-нибудь интересное. Но это очень и очень редко, и многие не вернулись. Упали, видимо, и расшиблись.

— А если нет? — горячо заговорила Эверетт. — А если не расшиблись? А если благополучно добрались до поверхности и живут там сейчас, и не знают горя?

— Ты серьёзно? — переспросил Калио.

— Да. Я бы хотела туда сбежать и вместе с тобой жить одинокой, но тихой жизнью, и растить нашего ребёнка вдали от всех этих запретов и правил. Но...

— Но этого никогда не будет! — раздался позади гневный женский голос, и возлюбленные резко обернулись.

— Трийти! — в ужасе выдохнула Эверетт, судорожно сжимая руку пытающегося спрятаться за девушкой и прикрыть наготу Калио. — Что ты здесь делаешь?! Разве не положено Хранительнице извещать преемницу о визите? Разве...

— Эверетт! — оборвала её Трийти. — Тебе не кажется, что ты много на себя берёшь?

— Ничуть! — с вызовом в голосе воскликнула Эверетт, закрывая собой Калио. — Ты не можешь вот так, без спроса, врывать в мои покои!

— Увы, могу! — Трийти стояла у входа прямая, словно в её спину всадили металлический штырь, и надменная. Предвещающие словесную бурю морщинки собрались на лбу, а в глазах уже искрились молнии. И Эверетт чувствовала, что мать готова их метать. Лишь слегка округлившийся живот напоминал, что через несколько месяцев грядёт ужасный ритуал... — Я могу зайти к тебе в любое время как твоя мать! И, как видишь, я воспользовалась своим правом, и очень вовремя, кстати! — Женщина очень красноречиво подняла ладони в сторону молодых.

— И?! — Эверетт гневно вскрикнула. — Ты не можешь запретить мне любить! Мне через два месяца семнадцать!

— Я всё ещё остаюсь твоей матерью! А ещё я — Хранительница! И это наделяет меня особыми полномочиями в отношении тебя! В отношении будущей Хранительницы, которая, увы, не показала присущих настоящим принцессам моральных качеств!

— Что это ты имеешь в виду?! — возмутилась дочь.

— Ты прекрасно знаешь, что имею в виду! — холодно парировала Трийти. — Я тебе очень подробно всё объясняла, жаль только, что ты не всё услышала или делаешь вид, что не услышала!

— Напомните, Хранительница. — Эверетт дерзко и с вызовом задрала голову, переходя на официальный язык. — Вы столь часто и много говорите о традициях и обязанностях, что я совсем запуталась, что положено, а что нет.

Трийти слегка улыбнулась. Наглости Эверетт не занимать! Гены целого поколения хранительниц прямо чувствуются в её твёрдом характере. Поэтому мать не стала испытывать судьбу и, прежде чем начать, щёлкнула пальцами, отчего в комнату вошли шестеро мужчин-хранителей. Все старые и сухие, в алых мантиях, но гравитационные посохи в руках делали их грозными противниками. Видя нескрываемый ужас в глазах дочери, Трийти улыбнулась шире и скомандовала:

— Взять этого мальчишку и упрятать в Башню!

— Нет! — закричала Эверетт и встала на пути агрессоров.

— Хранители, разрешаю с ней не церемониться, только не повредите, она ведь наследница!

Один из старцев слегка взмахнул посохом, и сила притяжения перестала влиять на Эверетт. Лёгкий толчок идущей от технологичной палки невидимой силы, тоже основанной на гравитации, откинул девушку под потолок. Она стукнулась спиной о камень и, оглушённая, плавно опустилась на пол, наблюдая, как её любимому закручивают за спиной руки, а потом выводят из комнаты.

— Я тебя люблю, — прошептал он одними губами.

— Нет! — воскликнула Эверетт, преодолевая боль и поднимаясь. Она попыталась броситься за старцами, что увели Калию, но мать преградила путь. — Ты!

— Я! — кивнула Трийти. — И ещё сто раз Я! Больше некому вернуть тебя на путь истинный. И как я была слепа всё это время? Как проморгала тебя и этого... этого...

— Я давно знала, что ты меня ненавидишь! — по лицу принцессы текли слезы. — Ты мой самый ярый враг! Ты тиран, а я — рабыня, не смеющая ступить и шагу в сторону от указанного тобой пути! Я давно это поняла, поэтому и провернула всё тайком. Я хочу быть свободной! — Эверетт подняла руки и помахала ими, словно крыльями.

— Эверетт, — уже спокойней сказала мать и попыталась притянуть дочь, но та отпрянула. — Включи голову! Ты принцесса! Ты будущая Хранительница! Ты будешь властвовать над этим миром! Ты будешь править! Жить в Храме! Есть и пить лучшее, носить самое лучшее белье! Ты на вершине мира! Надо только блюсти традиции.

— Знаешь, мам, — принцесса презрительно скривила губы, — для кого-то и вершина мира будет клеткой. Твои традиции — смерть для меня! Я же хочу свободы! Я хочу жить как люди внизу! Я...

— Поэтому ты выбрала этого... сарийца в любовники? — При слове «сариец» Хранительница не смогла сдержать отвращение. Ее лицо исказилось в неприятное выражение. — Ты в своём уме?

— Я ли в своём уме? — Эверетт была поражена до глубины души. — Я ли? Да это вы тут все свихнулись! Уничтожили целую планету и радуетесь! И я думала, кто же виноват в этом геноциде? Может, сарийцы, а не мы? Может, это они подстегнули своим упрямством власти

Кайзии? Но теперь вижу, кто начал! Ты даже скрыть не можешь ненависть к его расе! Всё началось из-за нас, правда? Мы просто не смогли стерпеть, что они существуют на свете. Так ведь?

— Не говори ерунды! — взорвалась до этого спокойная Трийти. — Ты прекрасно знаешь, почему не можешь с ним быть! Хранительница может забеременеть только непорочным путём, а семя избирательно даёт самый достойный из жрецов. И рождает, пока не появится девочка — будущая наследница, а мальчиков приносят в жертву Храму. Так рожала я, так рожала твоя бабушка и все остальные поколения предков. Именно поэтому ваш союз невозможен! Храму нужны правильные Хранительницы. И мы проследим, чтобы так и осталось впредь.

— Но я уже беременна! — вскричала в отчаянии Эверетт. — И беременна от Калио! Я никогда его не брошу!

— Именно поэтому, — ледяным голосом сказала Трийти, — мы тебе поможем. Он умрёт утром в Башне, а ты... Мы избавим тебя от этого зародыща позора. Мы поможем твоему телу извергнуть греховный плод, зачатый в безумной и слепой вере в любовь, знаменуемой бездумной похотью столь разных, никак не подходящих друг другу рас.

— Что? — прошептала Эверетт, не веря своим ушам. — Вы не сможете! Вы не посмеете!

— И сможем! И посмеем! — жёстко отрезала Хранительница и вновь щёлкнула пальцами, после чего в комнату вошли ещё четыре старца. Они схватили Эверетт под руки и поволокли упирающуюся девушку на операцию.

— Если надо, я рожу и воспитаю новую дочь, — очень тихо, но так, чтобы услышала Эверетт, добавила Трийти. — Но традиции Кайзии и Хранители Машины будут процветать для будущего нашей планеты... Я не позволю исчезнуть той крупице технологий, что досталась нам от предков!

— Нет, мама! Нет! — истошно кричала Эверетт и, упираясь, пыталась воззвать к хранительнице как к матери. — Не делай этого! Мы не заслужили! Отпусти нас! Оставь нас в покое!

Хранительница лишь повернулась к кровати и с отвращением посмотрела на оставленную Калио одежду.

— Как же противны эти мужчины и, в особенности, эти варвары с Сарии! Как моя девочка могла лечь в одно ложе с этим пришельцем? Мерзость...

Время порой ускоряет свой бег, но не для того, чтобы быстрее проскочить неудобные события, а чтобы скорее разрешить кризис...

Эверетт слишком долго барахталась среди тысяч темных бессознательных образов. Старые страхи и переживания маленькой девочки, скопившиеся в одном месте, мешали карабкаться вверх, к яркому и пульсирующему ужасу, огромной амёбой растёкшемуся над внутренним пространством принцессы. Она же чувствовала, что это гигантское, почти живое нечто — что-то очень важное, и чем быстрее добраться до яркого пятна, тем лучше, но не могла. Старые заботы не пускали. Слишком долго липли к рукам и ногам. Эверетт увязала всё больше, а меж тем нечто важное сжималось в одну точку, будто готовясь к взрыву. Ещё чуть-чуть, и таинственная энергия соберётся, а потом случится выброс, и...

И способность двигаться и мыслить стала вновь доступна девушке. С диким криком от боли в животе она села на столе, где до этого лежала. Испуганное внезапным пробуждением лицо Хранителя-врачевателя перед пытающимися сфокусироваться глазами. Они лишь отметили, что его руки по локоть в крови, а по столу между голых ляжек Эверетт размазано красным...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.